

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

СМИРНОВА ИРИНА
ОПЕКУН
ДЛЯ ВЫСШЕЙ РАСЫ

Ирина Смирнова
Опекун для высшей расы

«Автор»

2018

Смирнова И.

Опекун для высшей расы / И. Смирнова — «Автор», 2018

Поступила как человек и спасла эльфа? Только готовься, где один – там и второй... Устала от эльфов? Спаси оборотня! А потом готовься расплачиваться за содеянное. Не будет тебе больше покоя, ждут тебя дальняя дорога, опасный враг и... большая любовь. Содержит нецензурную брань.

© Смирнова И., 2018

© Автор, 2018

Ирина Смирнова

Опекун для высшей расы

Глава 1

Рассвет еще только начинал розоветь за окном, но Акита уже проснулась – время доить Бурую, кормить кролей и кур. Соль тоже проснулся – слышно, как плескается водой в умывальнике, то тонко, то басисто пофыркивая. Совсем большой уже – голос ломаться стал, скоро за девками бегать начнет...

Только не примут его местные девки. Дать дадут – Соль красавец, в отца-полуэльфа, но замуж за него ни одна не пойдет.

Во-первых, у Акиты слава очень ехидной и придиричливой, а во-вторых, кому нужен ушастый долгоживущий мужик, у которого в доме живет безумная?

Нет, мать у них на самом деле вполне нормальная, даже Бурую иногда подоить может, если надо. Например зимой, когда Акита три дня очень тяжело болела. К ней тогда даже Лилу приходила, отвары приносила и заговоры шептала. А потом и нормально осмотрела, как положено врачу с городским образованием.

В Лилу течет кровь эльфов, вот она и изображает из себя знахарку-целительницу, а на самом деле большинство знаний у нее из учебников и лечить она умеет как травами, так и нормальными таблетками. Травы тогда Аките не помогли, а после таблеток она сразу с кровати соскочила. И жар прошел, и кашель... Но все равно слабость еще долго была, седмицы две в полную силу работать не получалось, все Соль тянул, и вот мама помогала.

Так что не такая уж она и безумная, и совсем не обуза. Просто мужчин побаивается, особенно эльфов. Но ее понять можно – Соль-то дитя насилия, а не любви. Хорошо, что Акита уже взрослая была, не дала матери ни с собой покончить, ни от ребенка избавиться.

Мать и сейчас к Солю прохладно относится, а в детстве даже кормить отказывалась и подушкой задушить пыталась. Так что брат своей матерью считает Акиту, хотя она его всего лишь на семь лет старше.

– Вставай давай, хватит валяться! Ты же в город сегодня хотела! – в комнату заглянул Соль. Взглядом быстро и оценивающе пробежался по телу сестры. За что и получил вполне заслуженно подушкой в лицо.

– Сходи уже в бордель. Пора! – Акита фыркнула, потянувшись, выгибаясь в спине и привлекая внимание к груди...

– Сказали, что мал еще. Через год чтоб приходил, – немного обиженно пожаловался парень. – Куда уж мал...

– Им виднее, – снова фыркнула девушка и, проходя мимо, щелкнула брата по носу. – Сказали «мал», значит, «мал». Жди.

Спустя час Акита оседлала Каурого и поскакала в город. Конечно, опять все тетки будут осуждающе брюзжать ей вслед и по поводу штанов, и по поводу непокрытой головы, и вообще по поводу всего. Тетки всегда найдут, о чем побрюзжать, даже по поводу того, что здоровая незамужняя девка живет с пацаном, который ей не совсем брат. И как начнут мечтать, курицы неудовлетворенные... Ох, как Акита их всех раз гоняла, прямо вот даже на возраст не смотрела, и женщинам досталось, и старухам!.. Прямо вот тем хлыстом, что Каурого понукает, всем этим фантазеркам и выписала.

И староста ее еще даже и похвалил, потому что не просто так, а честь свою и своей семьи защищала. Так что теперь старухи брюзжать начинают, только когда уверены, что Акита не расслышит.

В городе у девушки дел было до самого вечера. И закупки для хозяйства, и обувь для Соля – нога растет прям вот волшебным образом, эльфийская четверть крови не помогает. У эльфов ступни узенькие, аккуратные, ноги стройные, глаза красивые, наглые, уши острые...

А у Соля от всего этого только уши... Ну ладно, ноги у него тоже ничего. Так походи поймай, от отца это или от матери. У Акиты ноги тоже длинные и стройные, хотя никаких эльфов в роду не бывало.

Под самый вечер девушка решила заглянуть к дяде в казармы. Ее-то отец был человеком, уважаемым в городе, капитаном. А когда он умер, капитаном стал его младший брат. Дядя Гош – хороший мужик, правильный. И денег раз в месяц присылает, и Акиту любит как родную. Даже с Содем здороваётся за руку, когда в гости приезжает.

Но дяди в казарме не оказалось, зато четыре здоровых жлобины... вояки местные, женского пола, имели по очереди мальчишку... эльфа...

Акита сначала не поняла, что тут происходит, поэтому вошла и теперь стояла, смотрела и не знала, как правильнее поступить. Вроде бы сейчас отношения между людьми и эльфами снова мирные, даже рабами поменялись в очередной раз – эльфы людей из своих лесов выпустили, люди эльфов из деревень и борделей. А тут вон... мальчишка, едва ли старше Соля. Глаза огромные, напуганные, лепечет что-то на своем, отбиваться уже даже не пытается. Да и как ему отбиваться, когда туша, что на него сверху села, весит раза в два больше, чем он сам? К тому же там не жир, мускулы сплошные. Из женского отряда бабы отрываются.

Акита тихо вышла из казарм, постояла у стенки, отдышалась. По-хорошему, надо просто уйти и забыть. Домой уже пора, стемнеет скоро, Бурую надо успеть подоить перед сном... А ноги сами понесли искать дядю Гоша, потому что перед глазами так и стояло напуганное лицо мальчишки, а в ушах звучал едва слышный шепот: «Туа амин.. туа...».

Вроде ж злорадствовать надо – ее мать изнасиловал эльф-полукровка, а тут судьба воздает... Только как-то странно воздает эта судьба – мальчишка-несмышлениш, волосы еще в косу заплетены, значит, второго совершеннолетия не было, не ребенок, но и не мужчина по-эльфийски. Почти как Соль... Ее Соль!..

У Акиты потемнело в глазах от гнева, и пальцы сами собой сжались в кулаки. За брата она готова убить любого... любую!.. И этот пацаненок остроухий тоже не заслужил такого обращения!

– Эй, племяшка, ты что такая суровая?

Дядя Гош появился словно из ниоткуда. Вдруг возник на пути и приподнял голову Акиты за подбородок.

– Что-то случилось?

Девушка полминуты собиралась с мыслями, чтобы не вышло жалкого лепета: «А они там, а он мальчишка, а они его, а он на Соля похож». Нет, надо было изложить понятно и четко, чтобы дядя сразу понял и помог.

– Мы воюем с эльфами? – уточнила Акита для начала.

– Набеги случаются иногда, – с легким удивлением в голосе ответил мужчина. – Ну так дело-то житейское. Обратней вон недавно пришлых порубили, а они наших троих задрали. Всяко бывает. Вампиры, опять же, распоясались совсем. Надо бы приструнить...

– Раз не воюем, значит, насиловать эльфов нельзя? – прервала девушка дядю.

– Нет, ни нам их, ни им – нас, – насторожился тот. – А что?.. Эти бляди таки припрятали себе кого-то?

– Да. Ровесника Соля, – теперь можно, теперь как раз очень правильно указать про возраст. Чтобы дядя осознал.

– Ща по ушам им... и по другому месту!.. – разозлился мужчина и рванул в сторону той казармы, как знал, куда надо бежать.

Акита решила не влезать и тихо подождала, пока крики, мат и звуки шлепков затихли. Дядя Гош вывел на улицу эльфенка, укутанного в покрывало. Выглядел мужчина слегка растерянно, потому что явно не знал, что теперь с этим остроухим чудом делать.

– Он же пользованный, ему теперь только у леса, – пояснил он Аките, будто та не знала, как эльфы относятся к подвергшимся насилию собратам.

Вместо того чтобы поддержать попавших в беду, «чистые» эльфы позволяли «грязным» и полукровкам жить только на окраине лесов, постоянно напоминая им об их ущербности. Когда люди устраивали набеги, первыми им попадались именно отверженные, «окраинные».

Когда начинались войны, эти же «окраинные» сражались до последнего, мужчины и женщины, чтобы задержать людей как можно дольше и дать возможность «чистым» спрятаться, укрыть детей, подготовиться к нападению, выжить...

Больше всего мужчину смущала толстая длинная иссиня-черная коса, пусть и растрепанная. Она недвусмысленно намекала, что перед ними не взрослый эльф, а мальчишка. Мальчишка, подвергшийся насилию. То есть вот просто отправить его на окраину ближайшего леса совесть не позволяла... Надо бы обследовать, убедиться, что парень в норме, но при этом самому всем этим заниматься не хотелось – морока, да и... как в глаза целителю смотреть, когда придется рассказывать, где и при каких обстоятельствах он это толстокосое нашел!

Неужто не видели, бабищи скудоумные, что пацана схватили! Зла на них нет... Бляди и есть, хоть и стражницы.

Тут взгляд мужчины наткнулся на племянницу, и Гош, внутренне обрадовавшись, с самым суровым лицом, на какое был способен, вручил девушке свою проблему:

– Держи. Позаботься. Вот денег еще, – он вытащил из кошелька горсть монет и впихнул Аките в кулак. – Если признают нормальным – вернем своим. Нет – к делу пристроишь. У тебя уже один остроухий есть.

Девушка слегка скривилась на упоминание о втором «остроухом» – брата она очень любила.

Но «геммор с косой» приобняла за плечи и куда-то повела.

Уф! Гош вытер чуть вспотевший от волнения лоб и облегченно выдохнул. Морока с этими остроухими. Сплошная морока. Пока мелкие – нервные, молодые – злые, взрослые – высокомерные, старики... Интересно, есть ли у эльфов старики?

Акита вела мальчишку по улицам и радовалась, что дядя сказал именно про «остроухого», а не про «безумного». Мог бы, но не стал оскорблять маму. И это было хорошо, правильно. Справятся они с еще одним остроухим безумием, если понадобится. Пристроят к делу.

Девушка даже не сомневалась, что у нее эльфенку жить будет лучше, чем на лесной окраине. Там, конечно, вроде бы свои, только видела она, как эти «свои» себя ведут друг с другом. Эльф эльфу соперник, всегда и во всем. Только когда надо сражаться против людей – тогда объединяются. Ненадолго. И матери у них – ехидны, а не матери. Нет, мальчишке точно будет лучше у нее дома, с Содем подружатся, будут вместе за девками бегать...

Вот как к новому подселенцу отнесется Соль – не ясно. Да и самой Аките мороки прибавится, первое время – точно. От эльфов вообще одна морока...

Прежде чем возвращаться домой, девушка отвела своего нового подопечного в швальню, поймала одного из подмастерьев-портняжек и потребовала приодеть эльфенка.

Всю дорогу до швальни Акита пыталась разговорить мальчишку. Но он упорно молчал, чуть выпятив пухлые губы, и отводил взгляд в сторону.

Когда портняжки сдернули с него покрывало, чтобы снять мерки, даже не вздрогнул. Только огромные, черные как ночь глаза стали будто бы еще больше. И зрачок, который и так-то было почти не разглядеть, совсем пропал, слился с радужкой.

Вот когда подмастерье стал прикасаться к нему руками и шелковой лентой с делениями, тогда мальчишка запаниковал. Видно было, что запаниковал – взгляд заметался, а длинные

тонкие пальцы буквально впились в бедра. Но прикрыться мальчишка даже не попытался. А потом вообще словно окаменел и уставился куда-то вдаль.

Когда же ему вынесли одежду, подобранную примерно под его размер, оживился и вопросительно взглянул на Акиту. Девушка кивнула, сообразив, что эльфик, скорее всего, просто не понимает людскую речь. Маленький еще и из «чистых». «Окраинные» по-людски щебечут с рождения. Теперь-то все уже, и этот «грязный», обратно в лесную чащу не пустят.

На Акиту внезапно накатило дикое желание пойти и убить дур, испортивших мальчишке жизнь. Потом злость сменила направление. Это ж какими надо быть гадами, чтобы отказаться от собственного сына?! Не пожалеть, обогреть, поговорить, излечить, понять, принять... А отвернуться и прогнать?! Ну хорошо, дуры ему на пути попались, так не его же в этом вина?! Он свое под дурами отстрадал. Не спятил – и молодец.

Хотя сейчас пока трудно понять, как на нем его первый опыт с женщинами отразился. Может, начнет от девок шарахаться, как мать от мужиков?.. Да и ладно, эльфы долго живут, отпустит со временем.

Глава 2

Приодевшись, мальчишка стал еще больше похож на Соля. Глаза у него были совсем не наглые, а настороженные, как у пичужки. Вроде бы и готов кинуться крошки поклевать, но опасается. Острые ушки смешно шевелились, как у Каурого. Тот точно так же ими двигает, когда прислушивается к непонятным звукам. Вот брат ушами шевелить уже не умел, но слышал все равно лучше, чем Акита. И видел лучше.

А еще его все животные слушались – лучший пастух в деревне был. Когда наступала его очередь пасти коров, коз и овец – можно было не переживать. Сколько увел, столько и вернет, а то, может, и от соседней деревни кто отобьется да к его стаду пристроится. В позапрошлую седмицу приبلудную козу привел, хозяева до сих пор не объявились.

Но Акита на чужую козу покушаться не стала, старосте отдала – у того внучат полный двор, чем больше молока, тем лучше.

Да и отношение опять же... Хорошее отношение козой не купишь, но укрепишь.

– Пойдем, у меня жить будешь, – девушка расплатилась с портняжками и потащила эльфа за собой, к гостинице. Там можно было всегда пристроить Каурого и знать, что покормят, напоят, обиходят, и вечером зверюга будет отдохнувший и готовый к обратной дороге.

– Меня зовут Акита, – представившись, девушка долго смотрела на эльфа. Потом повторила, уже с жестами, ткнув себе в грудь, произнесла: – Акита! – и уставилась на мальчишку. Подождала. Ткнула его в грудь легонечко.

Эльфик обреченно вздохнул, смиряясь, что не отстанут, и буркнул недовольно:

– Амнинор.

– Амни? Вот и познакомились...

– Амнинор, – упрямо повторил эльфенок. – Нет Амни. Амнинор!

– Мал ты еще для такого длинного имени, – фыркнула Акита. Раз капризничает, значит, все у него в порядке. – Еще бы свое полное имя сказал, с этими вашими заковырками эльлий-элявыми. Или «Ам», или «Амни»...

– Нинор! – объявил мальчишка. Его чернящие глаза гневно вспыхнули, а пухлые губы зло сжались.

Акита, конечно, могла и «Нинора» сократить, но решила, что и так сойдет.

– Уговорил, будешь Нинором.

Домой ехали молча. Нинор сначала вообще отказался садиться на Каурого. Но потом передумал, залез, только держался всю дорогу за седло сзади. Прикасаются к Аките, даже ради того чтобы не упасть, не стал.

В деревне их появление произвело эффект колокольного звона. Кому хватило наглости выскочить за ворота, те выскочили. Кому не хватило – те выглядывали в окна. И перешепты-

вались, перешептывались, перешептывались... Бедному Нинору еще и куча колющих взглядов в спину досталась.

Но это все мелочи по сравнению со взглядом Соля. Вот уж у кого на лице большими буквами было написано: «На кой ты это из города приволокла, когда у тебя я есть?».

Ладно, от Соля что-то подобное и ожидалось. Гораздо больше Акиту волновала реакция мамы. Но та вышла на крыльцо, долго смотрела на Нинора, а потом развернулась и ушла обратно в дом. Молча.

Соль с мрачным лицом отвел Каурого в стойло, а Акита провела эльфенка к себе в комнату. Приказала сидеть тут и не высовываться. Убедилась, что мальчишка ее понял. Говорил он по-людски плохо, коряво. А вот понимал все.

Даже «шалава», брошенное им вслед одной из старух, понял или по интонации догадался. Но вздрогнул в седле очень ощутимо.

И сейчас нервничал, опасливо поглядывая на дверь. А когда Акита уже собиралась уходить, спросил:

– Второй кто? Ругался...

– Мой брат, Соль.

– Мать одна? – понимающе кивнул Нинор. – У меня брат, как твой. Не людь и не эльф.

– Полукровка, – подсказала девушка правильное слово.

– Не эльф, – упрямо повторил Нинор. – Если бы не он, мама бы жила со мной, в лесу.

– Теперь ты можешь вернуться и жить с ней, если хочешь! – внезапно разозлилась Акита.

Она тут переживает о нем, нервничает. А этот... чистокровка испачканный... ее брата «нелюдь» обозвал. Своего собственного пусть как хочет зовет, а Соль – нормальный людь, лучше многих! И то, что уши острые, ничего не значит. Людей не по ушам оценивать надо.

– Пусть думает, что умер. Ей легче, – буркнул Нинор, и всю злость у девушки как корова языком слизала. Родной матери легче думать, что сын умер, а он тут вон живой, здоровый...

Акита уселась на кровать, так чтобы вроде и рядом с сидящим в кресле эльфом, и не совсем вплотную. Про себя покрутила вопрос, формулируя так, чтобы звучал понятно и не задел ничем.

Наконец решила, что прямо спрашивать надо, без экивоков всяких.

– Как ты в казармы попал?.. И как давно они тебя?..

Нинор отвернулся и уставился в окно. Помолчал. Потом все же решился:

– В гости пришел. К брату. И тут они... Увидели меня, схватили, через седло – и в казармы. Днем еще.

Акита мысленно вздрогнула – она-то в казармы пришла под вечер. А мальчишка, значит, уже давненько этих дур лядских развлекает. Понятно – увидели новенького, обрадовались. Жди теперь ответного набега от эльфов – они без мести такое не оставят. Не окраинный, лесной мальчишка пострадал. Отомстят.

– Твоей матери тебя показать придется. Чтобы не думали, будто мы тебя убили.

– Тогда косу срежут, – Нинор нахохлился и стал еще больше похож на птичку. Профиль тонкий, глаза большие, ушки торчат. – А я не хочу, – уже со знакомыми интонациями произнес парень. – Не стоит то, что было, моей косы. Метку, что я теперь грязный, пусть ставят, а косу резать не дам, – и пухлые губы упрямо сжались.

– Значит, издали им тебя покажем, – предложила Акита. – Но войны из-за твоей косы я тоже не хочу. Сиди, пойду тебе еды добуду.

Соль и мать поджидали в засаде прямо в первой клетке, той, что еще отец Акиты построил. Вторую клетку уже народ пришлось звать пристраивать, когда Соль подрос. Хорошо, дядя Гош помог. И с третьей клеткой он потом тоже помог, только уже не зная об этом. Девушка просто тратила не все деньги, что дядя давал. Откладывала. А потом наняла в деревне мужиков, и

они мало того что третью клеть пристроили, так и печь в ней поставили. С тех пор у всех было по отдельной спальне.

Только Солю не повезло. В его спальне днем и готовили, и ели, и гостей принимали.

Но у многих в деревне двое на лавке, двое под лавкой и семеро на печи, а у них у каждого свое лежбище. И печки целых две. И корова. И конь. И куры с кролями.

А мужик пока всего один, и тот мелкий.

Вот тетки и злятся – у них так крутиться по хозяйству не выходит. А у Акиты еще и огород есть, и поле маленькое. Давно уже сама вспахала, сама засеяла, сама урожаем собрала и на мельницу отвезла. И забор сама построила!

Теперь с полем Соль справляется, а мать в огороде копошится. Все пристроены, все трудятся. Но решает, как жить дальше – Акита. Как бы Соль из себя взрослого ни строил – его даже в бордель не пустили. Так что не мужик пока. Да и потом никто ему командовать не позволит. И дело не в ушах...

– Откуда ты этого ушастого нахлебника притащила?! Парней на деревне мало?

Это мать разошлась. Тихая-тихая, а разобрало от мысли, что эльф в соседях будет.

– Дядя Гош попросил посмотреть, его в набеge взяли и изнасиловали. С утра до вечера. Бабы из стражи.

Мать с братом сразу расслабились. Радости на лицах не появилось – нахлебник-то куда не исчез. Но раз дядя Гош попросил...

Да и причина такая, от которой не отмахнешься. Не в их семье.

Мама медленно встала, юбку оправила – и к печке, чугунок с кашей доставать. На поднос – стакан молока, ломоть хлеба, миску каши, и даже масла в кашу не пожалела.

– Держи, голодный ведь... Только глаза да уши.

Соль так легко сдаваться не собирался. Но кукситься недовольно перестал. И то хорошо.

– То есть, как оклемается, к своим уйдет?

– Посмотрим, – уклончиво ответила Акита.

Не время сейчас было радовать брата историей про косу.

Взяв поднос с едой, девушка вернулась в свою комнату. Поставила поднос на стол прямо перед Нинором. Тот как ни пытался сделать независимую мордочку, а нос выдавал – ноздри раздувались, вдыхая аромат утреннего хлеба и наваристой свежей каши. Да и молоко тоже пахло. Вкусно. Заманчиво.

– Не буду! – неожиданно объявил мальчишка. – Я слышал про «нахлебника» и побираться у людей не собираюсь!..

– Как хочешь, – фыркнула Акита. – Мог бы поесть, а с утра мне помочь по хозяйству. От тебя голодного проку меньше будет. И животом урчать станешь, спать будешь мешать.

– А где я буду спать? – тут же поинтересовался эльфенок. Получилось у него не очень внятно. Полный рот каши очень мешает разговаривать.

– На полу пока, шубы вот рядом со стеной кину. У Соля печка за день протопилась, он перед сном еще дров кинет – теплынь будет.

Клеть-клетью, но пол-то деревянный, в два слоя и высоко от земли, чтобы не холодило. Раз на печке пожадничала, надо иначе утепляться. Печка-то не нужна – от соседних клеток так шпарит, что можно в одной сорочке бегать. Но пол холодный все бы портил. А так – хорошо. А на шубах вообще красота.

Красота была ровно до тех пор, пока уставшая Акита не улеглась спать. Вот тут-то вся красота и закончилась, потому как Нинор ерзал, крутился, вертелся, а потом вообще стал постанывать во сне. На первый его вскрик девушка лишь встрепенулась и тут же снова уснула. На второй сползла на пол, дошлепала босиком до вороха шуб, в котором мальчишку и не разглядеть. Нашла, что под руку подвернулось – вроде плечо. Погладила. Эльфенок затих.

Акита постояла, подождала и пошлепала обратно в кровать. Но не успела заснуть – из-под шуб раздалось горестное пошмыгивание. Едва слышное. Пришлось опять шлепать через всю комнату, отрывать из шуб мальчишку и тащить к себе.

Пусть Соль с утра только попробует что-то сказать про нравственность. Акита уже взрослая и может таскать к себе под одеяло кого хочет. Хочет – кошку, хочет – эльфа! Кошку, кстати, тискать приятнее – она мягкая, пушистая и не вырывается. А Нинор – жилистый, коса эта еще... и напрягся весь, словно Акита его пытать собирается.

– Спи! Вставать завтра рано... – зевнула девушка в острое эльфийское ухо.

Поддребла это тощее окаменение к себе и уткнулась ему носом между лопаток. Психология всякая – это хорошо, но не тогда, когда спать надо. Так что застыл и не дергается – вот и славно.

– Утро! – в комнату без стука влетел Соль. Поборник нравственности сестры. И застыл в дверях, пыхтя от возмущения.

– Утро! – зевнула Акита и потрясла за плечо сладко спящего эльфа. – Вставай! «Чуткий ух, острый глаз, не захватят враги вас. Потому как вы в кустах все проспите...»

– Не смешно, – пробурчал Нинор и тут же уселся на кровати, уставившись на Соля. То ли он вчера его уши как следует не разглядел, то ли еще чего спросонья привиделось.

Соль тоже смотрел на эльфа очень многообещающе.

– Я доить Бурую, а ты покажи Нинору огород, кур и кролей, – Акита внимательно посмотрела на брата. Убедилась, что тот ее услышал и даже отреагировал. Кивнул. – Нахлебником Нинор быть не хочет, надо придумать, в чем он сможет тебе помогать. Только помогать, Соль! А не взваливать на него все свои обязанности.

Брат фыркнул, демонстративно пожал плечами и вышел, в дверях буркнув:

– Завтрак на столе. Продрыхли на час дольше, чем обычно. Кролики...

– Сам ты... кролик! – возмутилась Акита и швырнула в спину Соля подушкой.

Ишь удумал... Кролики!.. Да Нинор еще неизвестно когда снова захочет и уж точно не с ней. Зачем эльфу человеческая девушка? Это только если зло сорвать, изнасиловать, а по любви такое редкость. Эльфийки – красавицы, черноволосые, черноглазые... тонкокостные.

Акита, правда, тоже красивая, для человека. Рыжая-рыжая... Как солнышко.

Глава 3

До обеда девушка крутилась по хозяйству, изредка сталкиваясь с братом и эльфом. Отметила, что, может, и не сдружились, а не дерутся. И то хорошо. Мать на Нинора косилась, но помалкивала. Обед накрыла на всех, но села в уголке, поближе к Аките. Видно было, что не мальчишки боится, а потому что уютнее ей так. Неприятно, когда чужой мужчина под боком, пусть и маленький.

А Нинору как раз с Содем рядом спокойнее. Они, правда, порывивали друг на друга, как щенки в одном помете, выясняя, кто сильнее, главнее и у кого хвост длиннее. Обычное дело, даже ложкой по лбу жалко. Пусть порывивают.

Наевшись, Акита ушла к себе в комнату, полчаса вздремнуть. А проснулась от ругани под окном. Щеночки все же увлеклись.

– Чего не поделили? – высунулась, посмотрела сначала на родного, потом на подобранного. Фыркнула. Хороши оба... У одного синяк под глазом, у второго ухо красное и словно в два раза больше стало. Красавцы!..

– Косу... – гордо огрызнулся Нинор. – Если у вас таких обычаев нет, это не значит, что дразниться можно!

Акита отметила, что за день общения с Содем эльфом стал говорить на человеческом гораздо лучше. И фразы стали длиннее. Через седмицу вообще защебечет, как на родном.

– Я дразнился?! Я?! – брат от возмущения чуть не поперхнулся и уставился на Акиту, вызывая к справедливости. – Он первый начал! Говорит, раз косы нет, значит, уже... Ша как у него серпом срежу!..

– Я не дразнился! Я спросил!.. – тоже совершенно искренне возмутился Нинор. – Косы-то нет...

– Твою ж... – Соль ринулся на обидчика с намерением оторвать косу голыми руками.

– Прекратили оба! – Акита, когда хотела, могла так скомандовать, что даже кролики в клетке по стойке замирали, как солдаты перед дядей Гошем.

– У нас мужчины кос не носят, – пояснила она для Нинора. – Вообще не носят. Даже когда мальчики.

– А у них это признак невинности! – выдала Солю, чтобы понял и заткнулся.

Но брат не сразу понял, потому что сначала начал:

– Дык он же уже...

И только потом сообразил. Посмотрел на Нинора, рукой махнул. И уже спокойно позвал:

– Пошли гусей в деревню гнать. Сегодня пастушок новый, не справится один, помочь надо.

Акита прилегла снова на кровать, но уже поняла – не уснет. Может, это намек был про косу? Чуть войну из-за нее не устроили. Оболтусы.

Да и раз уже гусей пора гнать, значит, и так часик придавила, хватит, пора делами заниматься. Мать просила кролика на завтрашний суп забить...

Вернулись мальчишки оба злые. Число красных ушей и подбитых глаз увеличилось. Но зато чуть ли не в обнимку пришли. Акита даже спрашивать, что случилось, не стала. Их дело, мужское. Подрались и подрались. Может, между собой, может, кому из деревни вдвоем выписали.

После ужина девушка села почитать. В городе книгу взяла, умную. О разных видах растений. Увлечлась и не заметила, как Нинор подсел, на картинки посмотрел, заинтересовался.

Акита похвасталась, что у нее есть семена, немного. Староста отдал, сказал, что сам возиться не хочет, взял за это петуха на бульон. Только что с этими семенами делать – неясно, чудные они.

Девушка уже попробовала один прорастить в горшочке. Второй в тряпочке. Не выходит. По книге вроде на эльфийскую рожь похожи.

И ткнула в картинку, а на страничку рядом семя положила – сравнивать.

Нинор хмыкнул, головой помотал:

– Нет у нас никакой ржи. Но если хочешь, могу вырастить. Я же эльф...

Акита прищурилась, подумала. А потом решила и отдала эльфенку загадочные семена.

– Расти. Поле тебе Соль покажет. Вспашете сколько надо, если взойдет что-то путное – доверю тебе поле и огород. Соль больше с живностью и птицами любит. Тогда точно не нахлебник будешь, а член семьи со своими обязанностями.

Нинор понимающе кивнул и сжал мешок так, что сразу ясно – все сделает, чтобы путное выросло.

– А завтра мы к твоим поедем, тебя издали покажем. Чтобы знали, что мы тебя силой не держим.

Нинор смешно насупил и за косу всеми десятью пальцами схватился. Акита про себя хмыкнула сочувственно, но говорить ничего не стала.

Порядки у эльфов, конечно, загадочные, с окраиной этой. Только если у тебя родная мать уже там, на окраине, а ты к ней возвращаться не хочешь – это подозрительно. Неужто не пожалеешь, если сама через это прошла? И опять же эльфенок про брата упоминал. Брат-то нагулянный, значит, тоже должен помалкивать и не осуждать. Да и за что осуждать-то?

Дур этих осуждать надо...

Только и с дурами странно. Неужто такие коровы смогли тайком в эльфийскую деревню прокрасться? Да и проворачивать все надо быстро, один крадет, три прикрывают. За один раз одного-двух эльфов украсть можно, не больше. Потому как меньше десятка – это набег, а больше десятка – нападение, а нападение – это война.

Обычно лучники набеги делают, ловкие, юркие, быстрые, худенькие... чтобы в кустах могли прятаться. Сами почти эльфы, вот и прут себе подобное. Им заказы делают, обычно на девок. А они выносят и продают желающим попользоваться. Потом стараются обратно вернуть или затерять где-нибудь...

А эти бабы – ударная сила, те, кто с дубиной скачут и по головам лупят. Они ж как буйволы топали по лесу!.. Их любой эльф, даже глухой, задолго до появления в деревне услышал бы.

И мальчишку, гостя из центра леса, успели бы отправить домой, к отцу, или с кем он там живет?

Не сходится что-то во всей этой истории.

Как бы с дурами этими переговорить?.. Только если дядю Гоша попросить быть посредником. Объяснить ему ситуацию...

Не хочет эльф домой – бывает... Редко, но бывает. Очень редко.

Обычно они к своим предпочитают уйти.

Плохая история – странная.

Поспать отдельно опять не получилось. Пришлось будить стонущего эльфенка и запинывать к себе на кровать. Акита даже не злилась, просто спать очень хотелось. И жалко Нинора уже не было. Просто мешал спать, беспокоил, а на улицу не выгонишь. К Солю только если спать отправить, так тот с печки столкнет и не заметит. Да и чего брата теснить, когда это она, Акита, эльфенка притащила? Ее решение, ей и отдуваться.

Да и подумаешь, печаль какая, проснуться, дошлепать босиком до вороха шуб, потрясти за плечо мальчишку, дожждаться, пока он распахнет свои большие черные глазища, и буркнуть:

– Ко мне иди. Стонешь громко.

И обратно пошлепать, под одеяло. Дождаться, когда Нинор сбегает во двор по нужде и уляжется рядом. Все. Можно спать...

Утром Акита проснулась бодрой и вовремя – Соль только дрызгался у рукомойника. Пнула эльфенка: «Собирайся, в город поедем, предъявлять тебя родне» и выползла тоже умыться.

Побрызгалась с братом, посмеялись, подоила Бурую, вернулась с ведром молока... и наткнулась на задранный взгляд мальчишки, тихо сжавшегося в углу на лавке.

Поджав губы, ничего не сказала, молча позавтракала тем, что мать на стол поставила, и этому, недонахлебнику, рыкнула, чтоб ел и не выделялся. А то удумал страдать с утра пораньше непонятно над чем.

Вышла во двор, оседлала Каурого, вернулась за эльфом, вытащила его и чуть не силой запинала на коня.

Ехали молча. Акита злилась, Нинор сидел перед ней с прямой спиной, весь из себя непонятый.

Неподалеку от городских ворот девушка спрыгнула на землю, сдернула страдальца и потребовала:

– Рассказывай!

Эльф фыркнул и отвернулся. Потом все же прочухался, что от капризов толку не будет, да и глупо начинать опять рожи строить, когда больше суток нормально общались.

– Я сбежал. От отца сбежал. А к матери не заходил, пошел сразу брата искать. Он пропал еще в начале лета, и его никто не ищет, – Нинор так взглянул на Акиту, что она сразу поняла,

переспрашивать и уточнять почему – не надо. Странные они там все. Вроде единой деревней живут, а вроде как, получается, что каждый отдельно.

– Эти женщины на меня не в лесу напали, а на дороге. Так что сам виноват. Наверное... – эльфенок посмотрел на скептически поджавшую губы девушку и вздохнул: – Мои скажут, что сам.

А потом, запинаясь, волнуясь и подбирая слова и иногда переходя на эльфийский, мальчишка попытался донести до Акиты свою идею: «Пусть отец думает, что я у матери, мать – что я у отца. Они так долго могут думать, потому что не разговаривают друг с другом, после того как отец меня к себе забрал».

– А когда поймут, что тебя нет ни там, ни там? – поинтересовалась девушка, обдумывая, как правильное теперь поступить.

– Ну, если начнут переживать, то вернусь к матери. Буду с ней жить, – судя по выражению лица, жить вместе с матерью Нинора не очень хотел. – Отец-то меня уже к себе не возьмет.

– Даже с косой? – уточнила девушка. – Можно же не рассказывать про то, что с тобой случилось.

– Соврать? – большие черные глаза, казалось, стали еще больше и чернее. – Своим врать нельзя!

Акита лишь пожала плечами. Нельзя так нельзя. Хорошее правило, верное.

А эльфенок вдруг соорудил ужасно умильное умоляющее лицо и попросил:

– Помогите мне найти брата! Мать без него зачахнет...

– Тогда расскажи все по порядку.

Девушка кинула на траву возле дороги покрывало, которое всегда брала с собой, уезжая надолго из дома. Уселась сама и дернула за руку мальчишку, тоже заставив сесть рядом.

Мать Нинора сначала родила сына от человека. Конечно, не совсем по любви, в это никто не верил. Но по согласию. Только это все равно означало, что в лесу ей теперь места не было. Но она была с человеком, пока тот не умер – люди мало живут, а военные люди тем более. Потом пришла на окраину и приглянулась отцу Нинора. «Грязные» должны быть рады, когда их заметили «чистые», только женщина рада не была. Но от ребенка не избавилась – у эльфов это считается страшным преступлением. Хотя младшего сына не любила, что понятно. А после того как отец забрал Нинора к себе, вообще почти забыла о его существовании.

Тут Акита не выдержала и решила уточнить.

Вот если эльфийка ушла к человеку – даже по согласию, значит, она теперь «окраинная». А если бы эльф ушел к человеческой женщине, то как? Тоже?

А если его силой взяли? Тоже?

А если он силой? Как-как! Силой человеческую женщину... Может-может, иначе откуда Соль? Ну да, полукровка. Ах, настоящий чистый эльф никогда не опустится?..

Только изнасиловать живущую на окраине эльфийку?..

А если бы она была полукровкой? Тогда бы ему пришлось остаться с ней, потому что он стал бы грязным? То есть, как ни поверни, а если эльф или эльфийка с человеком или полукровкой связались, то все?

В центре леса могут жить только те, кто ни разу не смешался с человеческой кровью?.. А если поимел, но детей нет? Все равно?..

Девушка была настолько озадачена таким жестким подходом к отбору у высшей расы, как именовали себя эльфы, что на время даже позабыла, с чего разговор-то начался.

Потом успокоилась. Попросила Нинора продолжить.

Хотя история эльфенка уже почти закончилась. Три раза в год, по большим эльфийским праздникам, отец приводил Нинора к матери. Показать. В один из таких дней мальчишка познакомился со старшим братом. Он его маленьким видел, конечно, но помнил плохо. А тут хорошо разглядел. Запомнил.

Ольар был веселый, у него была эльфийская магия, и он умел вырезать из дерева. А еще у него был свой лук, свой конь, свой дом... И мать, когда смотрела на него, улыбалась.

Если бы отец любил Нинора так же, как мать любила Ольара!..

Мальчишка совсем не хотел, чтобы его полюбила мать. Для него это была чужая женщина, смотрящая сквозь него, разговаривающая с ним сквозь зубы и... Нет, он хотел, чтобы его полюбил отец, которым эльфенок очень гордился.

Вот как-то так получилось, что Нинор стал общаться с братом, чтобы узнать его тайну. А еще потому, что других друзей у него не было. «Чистые» родственники его так и не приняли. В центре леса вообще все было очень сложно.

А на окраине, с братом – просто и весело. Именно с братом, не с матерью.

Но в начале лета Ольар пропал. Вместе с ним пропало еще трое парней. А эльфы за это всего лишь устроили ответный набег. То есть нет, они попытались поискать, но сразу не нашли и успокоились. С набег притащив в деревню двух человеческих девушек, одна из которых осталась, а вторая сбежала.

«Неравноценный какой-то обмен», – подумала про себя Акита. Четверых парней на двух девочек. Странно как-то. Да и вообще, не принято во время набегов парней красть, разве что в рабство. Ну так нет сейчас рабства!..

Вот и Нинор ждал, что брат вернется, ведь войны-то нет, значит, его должны отпустить. Но Ольар не возвращался и не возвращался.

...И тогда этот герой решил найти брата сам.

Глава 4

– Ты сможешь? – Нинор прожег взглядом Акиту. И стоял, напряженный настолько, что даже воздух вокруг звенел.

Девушку очень тянуло ответить что-то типа: «Мне тебя одного за глаза и уши!..», но ведь ясно, что эльфенок не успокоится.

И что? Пнуть его идти искать в одиночестве? Не ее забота? О чем он вообще думал?.. Во всей этой мутной странной истории одни загадки!.. Но это-то и привлекает.

– У тебя план какой-то был?!

– Был! Я хотел его родных найти, по отцу. Ольар мне про них рассказывал.

Отматерившись про себя, Акита велела мальчишке ходить рядом и не вякать.

Перво-наперво навестила дядю Гошу, выяснила, что да, дурынды схватили эльфенка на дороге и приняли за лазутчика. Потому что до этого они уже успели принять кое-чего покрепче, а точнее, оно с ночи из них не выветрилось, вот и шли шалашиком, песни распевая. А тут это чудо с косой... Ясное дело – лазутчик!.. И косу специально нацепил. Они так и не поверили, что коса настоящая, пока уже не стало поздно.

Мда...

Выйдя от дяди, Акита посмотрела на сидящего под дверью понурого мальчишку, который наверняка все слышал – вон кончики острых ушей прямо пылают, как свечки.

– Осознал, какой ты дурачок? – поинтересовалась девушка. – Это ж надо... к людям в одиночку среди бела дня и без оружия!.. Хотя с оружием еще хуже бы было.

– Не подумал, – буркнул недовольно-обиженно Нинор. – Мне казалось, что раз брат иногда к людям ходит, значит, и я смогу.

– А брат часто к нам ходил? – заинтересовалась Акита.

– Нет, раз-два в год родных навещал.

– Что ж, давай и мы навестим.

Человеческая родня Ольара жила в городе. Номер дома легко удалось выяснить у городской стражи – они тут всех жителей знали. Как и то, что эльф-полукровка мог войти в город, только если у него был пропуск. О пропуске Нинор ничего не слышал, но родню все равно решили посетить.

Только «родственники» гостям совсем не обрадовались, ни про каких эльфов они ничего не знали, пропуска полукровкам не выдавали...

Если бы они возмущались чуть менее агрессивно, Акита даже поверила бы, но тут уж как-то все слишком наигранно казалось, как в уличном балагане.

Пришлось снова идти к дяде Гошу, просить помощи. Тот из вредности выделил как раз тех четверых дурынд, что попользовали Нинора. Поэтому эльфенок всю обратную дорогу до дома родственников брата храбро прятался за Акиту.

Зато стражницы от души повеселились, выбивая правду из пожилой пары. Не буквально выбивая, но угрожая и кулаком по столу постукивая. На обещании отправить на пыточный стол старуха сдалась, разрыдалась и покаялась.

Акита вначале даже обрадовалась. Дядя Гош, если под хорошее настроение начальству такую новость подаст, то может готовиться к очередному повышению. Потому как в этом доме древний эльфийский колдун-стихийник обучал другого эльфийского колдуна тайным знаниям.

Молодой был полукровкой и действительно приходился пожилой паре дальней родней. А древний незнамо откуда приходил, может, и из центра леса. Молодой платил за место и молчание. И за продление пропуска тоже платил.

У Нинора от волнения уши зашевелились, и он, оттащив Акиту в сторону, принялся доказывать, что стихийных магов у эльфов этого леса почти не осталось. Природной магией – да, много кто владеет, а вот стихийники в другом лесу живут, далеко...

И то правда – эльфийские леса встречались не так часто. Да и сами эльфы, по слухам, вымирали.

Девушка насчет другого леса сильно задумалась.

Получается, Ольяр был стихийный маг, умеющий скрывать свои способности. Даже от брата скрывал. Значит, и три других похищенных парня тоже могли скрывать?

Но Нинор не дал Аките придумать про себя целый заговор ради похищения стихийных магов злыми соседями. Развеед фантазии, сказав, что трое остальных – чистокровные эльфы, им не было смысла магию прятать. Так что набег как причина пропажи более правдоподобно выглядит.

Вот полукровку учить такой редкой магии никто бы не стал, да и учителя все в лесу, куда ему хода нет. Поэтому Ольяр и учился тайком.

После этого мальчишка разочарованно засопел, переживая, что и ему тоже брат не доверил свою тайну.

Девушка тоже разочарованно посопела над разрушенной интересной теорией. Так все складно было! Кража стихийников-эльфов другими эльфами. А люди тогда получались совсем ни при чем... Но Нинор прав. Нечего накручивать сложное, когда есть более простой вариант.

Потом Акита немного помучалась совестью.

Пожилую пару за все обнаруженное по головке не поглядят, а если и поглядят, то по отрубленной. У теток-стражниц руки прямо затряслись от волнения – эльфийские маги прямо в центре города много лет знаниями делились. А вдруг и в военное время тоже?

Акита прямо зачесалась вся, когда поняла, что это не повышением по службе пахнет, а увольнением. Отозвала главную тетку в сторону и зашептала, что если дело выставить в том свете, что сейчас, да еще прикрутить к нему их проделки на дороге, то всю городскую стражу разгонят и заменят на новую.

Уточнить, что, скорее всего, разгонят и начальство, а не только дурех-воjak, девушка не стала – вот еще. Запугивала от души, старалась. Командиры-то меняются, а стража остается, поэтому за такое все шишки – на стражу. Они пропустили.

Убедительно вышло.

Тетки пообещали даже в пьяном угаре никому ни-ни, дело ж тайное, преступный сговор магов прям под носом прохлопали. Так что парочку укрывателей обещали упечь в самые дальние казематы и языки им после допроса вырвать, чтобы больше никому лишнего не рассказали.

Про казематы Акита лишь плечами пожала – тут дяде уже решать, куда упекать виновных. Главное – вояки тугодумные прониклись, перепугались, молчать будут, дядю не подставят.

А насчет языка... Вспомнила, как старуха ее костерила, и опять плечами пожала. Может, той и полезно помолчать на старости лет? Думать научится. О людях в первую очередь, а не о наживе за счет эльфов.

Нет, жалко стариков немного было, но совесть не мучила – сами виноваты. Эльфийской магии у них в доме учат, а они за столько времени не донесли куда надо!.. О чем думали?

Если бы о помощи родственнику, так что им мешало принять Акиту и Нинора нормально, сказать, что да, бывает у них Оляр, но вот давно не приходил чего-то... и дать понять, что волнуются. Просто сделать вид! Так нет же...

Так что не жалко!.. Предатели, да еще и за деньги.

Единственное, древнего мага теперь неплохо бы было поймать, но это уже не Акиты забота, а дяди Гоша. И брата Нинора теперь будут искать, причем даже с особой тщательностью. Не просто эльф-полукровка пропал где-то в городке вместе с друзьями. А маг-стихийник... Прямо как из детских сказок.

Природных-то магов Аките встречать уже приходилось. В народе считается, что каждый эльф – природный маг, хоть немножко. Вон Нинор не зря же семена взял, уверенность во взгляде была, что вырастит. А вот стихийников девушка еще ни разу не видела. Говорят – опасные. Особенно те, что силой огня владеют.

– И куда мы теперь? – растерянно поинтересовался эльфенок.

– Жрать! – рыкнула Акита. С этими спасениями обед пропустили, скоро уже ужинать пора. Живот голодно поуркивает. Так что – в ближайшую таверну, вот куда.

В ближайшей харчевне было многолюдно. Вечер уже, народ отдыхать пришел, вина попить, по душам поговорить... И тут девка с эльфом... Чем не повод повеселиться?

Поэтому Акита посадила Нинора в угол, так, чтобы у самой стенки сидел, и перед носом у него меню положила. Ясно, что читать он не горазд, но буквы разбирать вроде как умеет, так что пусть при деле будет.

А сама спокойно села рядом, тоже у стены, но ближе к проходу.

Подождала, пока к ней подплывет грудастая девица-подавальщица. Выразительно оглядит сначала спрятавшегося за раскрытым меню эльфенка, гневно сверкающего глазами на происходящее безобразии, но умно помалкивающего. Потом и саму Акиту окатит легким таким сочувствующим презрением, ибо совсем девка опустила, нормального ухажера уже не найти, на эльфов-заморышей перекинулась.

На такую и злиться бесполезно, и обижаться бессмысленно. Это она на людях, при человеческих мужиках, Акиту осуждает. А предложи ей Нинор вечер на сеновале – рванет впереди него, теряя туфельки. Видно же, как краем глаза посматривает, приценивается... Вот косу разглядела – нос кверху задрала, спину выпрямила, грудь вперед выставила. Поняла, что мальчишка совсем, незачем выделяться.

Странные бывают люди... Когда вместе, вроде бы эльфов презирают, задираются, набегии на их деревни устраивают. Только набегии зачем? Чтобы молоденьких девчонок выкрасть и вдовсталь понасиловать безнаказанно. И ведь не боятся, что им кусты-деревья на орехи выпишут, хотя знают про природную эльфийскую магию.

Человеческие женщины тоже хороши – вроде нос воротят от тех, кто с эльфами связался, осуждают и обзывают меж собой по-всякому... А по глазам у многих видно, что завидуют.

Потому как даже если полукровка, все равно красивый и мог бы любую выбрать, а предпочел «выдру страшную», а не ее, раскрасавицу.

Сами-то эльфы редко до людей опускаются, это только если совсем перемкнет или вот по нужде, как Нинор. С их-то блажью о чистоте крови и о том, что простой здоровый трах по согласию на этой чистоте может крест поставить?

Акита про себя тихо фыркнула, вспомнив недавно помершего соседа. Тот на последних годах жизни слегка умом тронулся... и тоже все про чистоту людской расы вещал. Призывал уничтожить всех – и эльфов-выскочек, и гномов-жлобов, и оборотней-злодеев, и вампиров-кровопийц окаянных...

Нет чтобы всем жить дружно, торговлю наладить. Говорят, есть такие места, где люди и другие расы слаженно живут.

– Щи свежие, картошку вареную, овощей, свинину жареную, стакан пива и ... – Акита посмотрела на Нинора, ожидая, чтобы мальчишка огласил свой выбор.

– Салат овощной и шашлык из телятины, – довольно громко произнес эльфенок, даже не запнулся. – И сок...

подавальщица скривилась, словно ожидала от заказа чего-то большего, и отошла. Зато оживился народ за соседними столиками – перешептываться начал, пересмеиваться. Нинор напрягся и на Акиту принялся вопросительно взглядом косить.

Та спокойно сидела, уверенно. Выжидала. Но едва из-за столика напротив поднялся молодой парень, достала из голенища сапога плеть. Любимое воспитательное орудие, всем скудоумным помогает.

Парень на лицо Акиты посмотрел, каменное такое, выжидающее, на плеть, которой девушка, перед тем как на стол положить, довольно ловко щелкнула по полу... И решил, что еще не вечер – драку в харчевне устраивать. Да и вообще с девкой связываться чести нет. А эльф как в углу сидел, так и сидит, только глазами сверкает и в косу пальцами вцепился. Про то, что коса только у пацанов эльфийских, многие знали. Так что опять же никакой чести.

К тому моменту, как вернулась подавальщица и выставила на стол все заказанное, вокруг Акиты и Нинора была тишина. Осуждающая, конечно, но тишина. Мало народ еще выпил. Удачно они поесть зашли, но уходить надо быстро...

Глава 5

Тишина тишиной, но прислушиваться к тому, о чем говорят за соседними столиками, никто не мешал. А разговор за одним из них шел довольно интересный. Мужик со шрамом через все лицо, стражник или наоборот, тот, от кого оберегаться надо, рассказывал двум другим про то, что давеча хотел себе в помощь раба купить, а ему попытались остроухого подсунуть. Так мало того, еще и сдвинутого на всю голову – говорить не говорит, взгляд как у юродивого, делает все, только если палкой по спине сначала огребет. Настойчиво так втюхивали, почти за бесценок. Дык он сразу им сказал, что придушить проще...

Острые уши Нинора смешно зашевелились, но Акита зыркнула на мальчишку, чтобы сидел спокойно и ел.

– С чего ты взял, что они про твоего брата говорят? Он у тебя уже два месяца как пропал, продали бы давно.

А мужик продолжал жаловаться друзьям:

– Молодой, сильный, полукровка, но с головой точно не порядок, а когда взгляд проясняется, то злой такой, что мороз по коже. Такой только на тот свет отойти поможет...

Акита горестно вздохнула, посмотрела на ерзающего на стуле Нинора, но сначала последние куски мяса доела и только потом встала из-за стола и подошла к мужику.

– Не подскажите, добрый человек, где вам такого раба неказистого продавали? – поинтересовалась, а сама в руках плетку крутит, чтобы ясно было – по делу лишь подошла. Первый, кто потянется, по тянучкам и получит.

Мужик сначала Акиту оглядел, потом на плеть наткнулся, хмыкнул одобрительно. Видно было, что не плети испугался, а оценил, что девка с характером. Нормальные мужики характер в бабах любят, это только трусы его выколачивать пытаются. Когда в себе уверен, ты и чужую уверенность уважаешь.

– А зачем тебе остроухий? У тебя, как я погляжу, один уже есть, – и усмехнулся, поглядывая на Нинора. Двое соседей по столу засмеялись и тоже на эльфа посмотрели.

– Меня с детства приучали к тому, что слабых опекать надо, – пояснила Акита для непонятливых. – А попавших в беду – выручать, – вот пусть все и думают теперь, кто для нее Нинор – слабый или просто в беду попавший.

– Раз мы сейчас с эльфами не воюем, значит, тот спятивший, которого вам продать пытались, в беде, – и чтобы мужик не подумал, что беду на торговцев накличет, уточнила: – Выкупить его хочу, раз за бесценку продают.

– С эльфами развлекаться любишь, шалава? – зло поинтересовался за спиной тот самый парень, что вначале пытался пристать, но одумался. Пока Акита и Нинор обедали, он как раз допил до того, когда море по колено.

Девушка уже приготовилась плетью стегануть, но мужик со шрамом вступился, дал парню кулаком промеж глаз. Тут подскочили дружки парня, присоединились приятели мужика, и пошло веселье.

Но между делом, разрисовывая первое подвернувшееся под кулак лицо, шрамированный сказал Аките, где он видел спятившего эльфа.

– Сходи, может, не утопили еще... Только я б с таким связываться не стал.

Поблагодарив, хотя сквозь шум ее уже вряд ли расслышали, девушка выползла из харчевни на свежий воздух. Нинор просочился за ней следом.

– Ну что, пошли поглядим, что там за бешеный полукровка. Может, и правда твой брат. Тогда оба к своим пойдете – мне злобные психи в доме ни к чему.

Идти надо было через весь город, поэтому Акита сразу взяла Каурого у гостиницы, чтобы потом не возвращаться. Но вела коня под уздцы, потому что на узких улочках удобнее было идти, чем скакать. Низкие балконы вторых этажей соседних домов порой просто сталкивались друг с другом, так что иногда приходилось просачиваться чуть ли не боком.

Место, где держали рабов, с виду было совсем неприметным, сереньким таким каменным домишком. Прямо вот мимо бы прошла и не заметила, даже в мыслях бы не промелькнуло, что там можно незаконно приобрести себе послушную собственность. Считалось, что в стране рабства нет, просто кто-то один работает на кого-то другого без продыха, за еду и подстилку у двери. Нинор вон тоже может считаться рабом, хотя по документам, которые сегодня дядя Гош выдал Аките, мальчишка считался ее опекаемым. Как и Соль. Как и мама...

Нинора верхом на Кауром оставила, чтобы сторожили друг друга.

И конь под присмотром, и до эльфа чужие загребущие лапки не дотянутся. А хозяина загребущих лапок и лошадиным копытом можно приласкать, коли нужда возникнет.

Опять же, случись что, пусть и недалеко ускакать смогут, но быстро. И сразу орать дурниной, зовя на помощь стражу...

Подстраховалась на всякий случай, а то мало ли что в этом неприметном домике может случиться? Но не с дядей же Гошем его штурмовать? Работотворцы народ злопамятный, перебьют всех рабов, а сами разбегутся и будут зло помнить, пока не отомстят.

Нет, Акита была против торговли людьми, но в меру. Осуждала, но бороться с ветряными мельницами не хотела. Без этого забот хватает...

Так что постучала, вошла в грязный предбанник, огляделась, посмотрела на древнюю беззубую старуху, что из себя хозяйку пыталась соорудить. Нет тут тех, кто рабов ловит, есть

такая же рабыня, много о себе возомнившая. А случись что – спасать ее никто не станет, так и сгинет в подвалах у стражников.

– Знакомый сказал, что у вас эльф есть. Мне нравится с ними развлекаться, – и лицо состроила такое, как у одной выскочки из деревни само получается. Старуха вроде бы поверила, но на всякий случай прикинулась дурочкой.

– Какой-токой эльф, ми-и-илая, нетути у нас никаких эльфей! – прошамкала и смотрит хитро. Ждет.

– А знакомый сказал – есть, – упорно повторила Акита. – Велел слово вам сказать, – и девушка повторила чушь бесвязную, зазубренную быстро за шрамированным. Эта биллиберда служила знаком, что пришлый и верно от кого-то своего по наводке зашел. Во всех таких тайных местах этим способом пользовались – и для тайных игрищ, и для торговли незаконной, и много еще для чего.

– Ну раз слово знаешь, ща приведу гадость остроухую, – радость от того, что вот-вот избавится от не самого приятного товара, старухе удавалось скрывать едва-едва. Только в пляс не пустилась, но зато быстро поковыляла к спрятанной за коврами дыре и гаркнула в нее: – Эльфу выпинывайте, пришли за ним!..

Не прошло и полминуты, как в дыре показалась черноволосая макушка, острые уши и удивительной красоты мужское лицо. А потом и весь парень вылез... Ну как вылез – выпинали, животом по полу, острыми колыями подгоняя. Акита хоть и не эльфийка, но тоже востроглазая – разглядела.

Руки у парня оказались связаны за спиной, да так туго, что от запястьев все красное было и припухшее. «Может вообще пальцы омертвели?» – заволновалась девушка, но виду не показала. Как стояла вся из себя много возомнившая, так и продолжала рожу кривить.

– Идти-то сможет? – поинтересовалась с презрением в голосе у старухи, отсыпая ей монетки в подставленные ковшом ладони.

– Дык если недалече, то дойдет, – задумчиво прошамкала та, поглядывая парню на ноги.

Босые ступни все стертые, разодранные... «Где ж его пешком гоняли?» – опять заволновалась Акита, но пнула эльфа в спину:

– Иди давай!..

И даже оказавшись на крыльце, вдохнув грудью свежий воздух, не позволила себе расслабиться. Так и допинала до Каурого. Тут парень застыл как вкопанный, уставившись на Нинора. И мальчишка, как назло, тоже задеревенел. Пришлось балаган из одного актера отыгрывать, потому что Акита спиной чувствовала, что бабка в окно глядит, глаз не спускает. А вдруг передумает? Или решит чистенького эльфа себе захватить? Позовет тех, что в подвале с колыями сидят... Нет, пока далеко-далеко от этого страшного места не отъедут, расслабляться нельзя.

Пнула старшего, за ногу сдернула младшего, подзатыльник ему еще залепила, чтобы разум заработал:

– Перекидывай через коня, быстро! Не мне же с этой грязной мразью возиться?

Поежилась под злобным взглядом старшего, но глаз не отвела. Если дурак, то уже не вылезет, а если умный, то поймет, что она ему тут не девочка-ромашка. Ромашка в такой сральник у черта на куличках не полезла бы...

Нинор побелел, конечно, но перекинуть брата животом на седло силенок хватило. Потом догадался, Аките сесть помог, даже руки подставил, а потом Каурого под уздцы взял.

– Можешь мозгами шевелить иногда, – одобрительно процедила девушка, пока они медленно удалялись прочь от жуткого дома. Едва отъехали чуть подальше, девушка спрыгнула с коня и тоже пошла пешком, сбоку, придерживая ерзающую пузом по седлу не совсем законную собственность.

Ясно было, что таким ходом до деревни им брести и брести. Так что пришлось разворачиваться и топтать к гостинице, просить в долг второго коня, до завтра. Хорошо Акиту там

все знали, к тому же и залог небольшой помог – выдали им Гнедого. Старенький конь, но до деревни довезет, не развалится по дороге.

На Гнедого уселся Нинор, а спасенного эльфа Акита так и везла на Кауром, перекинув через седло и усевшись рядом. А чтобы не надо было постоянно поправлять и переживать, что скатится, девушка еще и веревками свой новый гемморой привязала. На ногах узел натянула, потом под брюхом у Каурого веревку протащила и напоследок у парня под мышками еще один узел сделала. Теперь если и начнет сползать, то не упадет, а только перекрутится вокруг коня. Удовольствия мало, конечно, но на полном скаку упасть в его состоянии тоже не очень завлекательно.

Эльф ругался сквозь зубы на эльфийском, иногда пытался поднять голову и высказаться Аките в лицо, но девушка лишь успокаивающе хлопала его по спине:

– Домой приедем, и отведешь душу, а пока не отвлекай, не до тебя...

На самом деле Акита даже не сомневалась, что первым отводить душу будет Соль, громко, зло, с кучей выражений, которые сама девушка старалась не употреблять. Потом мама... Мама при виде уже вполне половозрелого мужчины-эльфа вообще дар речи может потерять. Так что в дом гостя вести было нельзя, придется в сарае припрятывать, а уже завтра утром придумывать, как с ним поступить. Может, он до утра сбежит, а с ним все заботы и переживания...

Соль подждал у ворот, всклокоченный, мрачный и злой, словно Акита в первый раз домой из города к закату возвращалась. Увидев живую поклажу, ожидаемо разозлился и гневно засверкал глазищами. Но скандал устраивать не стал, наоборот, помог быстро стащить парня с коня и занести в сарай. Понимал, что на шум выйдет мать, увидит эльфа и... Нет, таких впечатлений родной матери никто из двоих не хотел, ни Акита, ни Соль.

– Лилу бы позвать, – шепотом попросила девушка. – Видишь, что у него с руками?

– До завтра не помрет, – зло прошипел Соль, привязывая эльфа к столбам, подпирающим крышу в сарае. И выпинал всех прочь, рыча и ругаясь с таким надрывом, что Акита решила не настаивать, а молча потащила Нинора за собой.

– Завтра приведем твоему брату целительницу...

– Слушай, я тебе сейчас одну вещь скажу, – эльфенок весь сжался, словно боялся, что Акита начнет на него кричать или того хуже. – Это не мой брат...

Девушка от души выматерилась, радуясь, что ее брат уже влетел в избу, демонстративно швырнув на стол ужин, залез на печь и повернулся к ним задом. Уши, правда, не заткнул, так что мог и прислушиваться. Поэтому молча поковырялась ложкой в тарелке, зыркнув на Нинора так, что тот сразу понял – надо съесть все, а не то или в штаны, или за шиворот сложат.

И только когда оказались в своей клетке, схватила мальчишку за рубашку и потрянула:

– Мы же рисковали... ты понимаешь, как мы рисковали?! А это оказался не твой брат?!

– Это один из тех, кто с ним пропал! – попытался оправдаться эльфенок.

– Ты говорил, что они все эльфы, а этот – полукровка, сразу видно.

Нинор засмутился и уставился в окно, потом признался:

– Ты просто про этот заговор... я подумал, что тогда брата спасти не станешь, вот и сказал...

Акита искренне обиделась:

– Сам же говорил, что врать нехорошо. Или типа я тебе не своя? Рискую тут ради тебя, забочусь, переживаю, а раз ушами не вышла, значит, мне на уши можно лапшу вешать?!

Нинор еще больше засмутился, покраснел, ушами прыгать стал, чисто Каурый...

Потом взял и укусил себя за палец. Девушка даже прервалась на полуслове, замерла, непонимающе глядя на эльфа и обдумывая, заразно ли безумство? Может, старший на младшего надыхал, и теперь младший тоже слегка не в себе?

Но тут Нинор начал творить и вовсе странное – взял и своим прокушенным пальцем у Акиты по губам провел, оставив влажную теплую полоску, которую сразу же захотелось слизнуть. На вкус эльфийская кровь ничем не отличалась от людской. А то Акита ранки себе не посасывала, чтобы кровь остановить? Такая же соленая, густая...

– Давай свой палец, – потребовал эльфенок от немного ошалевшей девушки. Нет, она почти сразу догадалась, зачем Нинору ее палец, и тихо про себя переживала, чтобы не откусил ненароком, бешеный остроухий кровосос!..

– Все, теперь мы с тобой одной крови, – объявил гордый мальчишка. – Ты моя семья, я твоя. Мне нельзя врать тебе, тебе нельзя врать мне.

– Хитрый какой, – усмехнулась Акита, а потом горестно вздохнула:

– Думаешь, этот убогий знает, где искать твоего брата?

– Надеюсь, – тоже печально вздохнул Нинор и потом сам первым предложил: – Давай спать? Глаза просто слипаются...

Глава 6

Девушка в искренность намерений Нинора не поверила, но хитрость оценила. Раз они теперь одна семья, значит, и брат эльфенка Аките не чужой. Придется искать, хочется ей или нет. Родню ж в беде бросать последнее дело, так вон даже эльфы не поступают, оказывается.

Нинор уснул почти сразу, наверное, и правда измотался, бедолага, изнервничался. А Аките не спалось. Стоило только задремать, как перед глазами возникал привязанный к столбу эльф и его злющий ненавидящий взгляд прямо пробирал до костей.

«Как бы сарай не поджег, бес остроухий», – запереживала девушка. Еще поерзала, теперь представляя картинки пожара, одну страшнее другой. Вздохнула. Выползла из-под теплого одеяла, прикрыла Нинора, который уже сразу лег в ее кровати, минуя попытку зарыться в шубы. Запахнула босые ноги в высокие сапоги, специально выставленные, чтобы в них по нужде выбегать ночью удобно было, и накинула сверху на ночную рубаху длинный теплый зипун.

Вот в таком виде и заявила в сарай к эльфу. Краса неописанная.

Правда, привязанный к столбу спасенный тоже выглядел не очень завлекательно, только глазища черные сверкали зло, но при этом один был немного припухлый, и кожа вокруг него отливала легкой синевой, а волосы спадали на плечи давно немытыми жесткими снопами. На ступни вообще не глядеть бы... и губы все потрескались. Поили ли его там? Кормили ли?

Вот какое ее дело, сдавать надо дяде Гошу было или к своим завтра отвезти. Привязать обратно на Гнедого – и обратным ходом и коня, и эльфа. Всех с дома прочь...

Хотя Нинора уже жалко, тем более он же посевами заняться обещал.

Тут Акита вспыхнула, потому что от питья и еды мысли переметнулись к другим житейским надобностям. Сама-то она перед тем, как в сарай завалить, нужду справила, а этот... Но не ей же его?.. Даже если от столба отвяжет, то...

Сухие потрескавшиеся губы оскалились в наглой ухмылке, словно эльф бросал Аките вызов. И вся жалость мигом выветрилась у девушки из головы, осталось только дикое желание поскорее избавиться от этой по ошибке спасенной головной боли. Даже целительницу вызывать расхотелось. На Гнедого и к своим... Там пусть про судьбу брата Нинора кому надо рассказывает. Не ее это печаль-забота, даже после того как Нинор побратимом кровным стал. Все равно не ее... У нее тут куры, кролики, Бурая, Каурый, мама с Солем. Хватает ей головной боли!..

– Что, даже воды не дашь попить? – хриплый, словно сорванный голос резанул по натянутым, как тетива лука, нервам. Но Акита сдержалась, не вздрогнула под насмешливо-злым взглядом, вышла на улицу, добрела до бани, где в бочке с водой плавал ковшик, чтобы плескать на камни. С ковшиком дошла до колодца и зачерпнула холодной чистой воды из ведра, а потом вернулась в сарай.

Эльф, закрыв глаза, откинул голову назад и выглядел как-то... не слишком здоровым он выглядел. Может, все же начать с целительницы? Да только как она с ним справится? Это ж не Нинор, это чужой взрослый парень. Совсем чужой...

– Пей, – Акита подошла поближе, но не совсем вплотную. Хотя вроде бы чего бояться – руки связаны, сам к столбу привязан.

Но неожиданно девушка вдруг интуитивно осознала, что этот эльф так же опасен, как и люди, от которых его Акита спасла. Она-то думала, что это брат Нинора и тот с ним поговорит, все объяснит, а теперь что?

Только запоздала в этот раз интуиция, немножечко, но запоздала. Хотя радоваться надо, что вообще объявилась, потому что не дернись Акита в последний момент в сторону, получила бы ковшиком в лоб, а так лишь слегка по скуле смазало. Больно, и кожу ободрало, а еще злость проснулась, на себя больше всего, дуру. Только позлиться как следует не вышло, потому что остроухий возомнил себя бешеным кроликом. Жилистый такой, мускулистый кролик, который сначала связанные ноги умудрился от пола оторвать и по ковшу стукнуть, а за те мгновения, что Акита от возмущения рот открывала, в живот ее ударить, чтобы весь воздух из открытого рта и вышел...

Но девушка падать не захотела, хотя эльф на это рассчитывал, так что пришлось ему еще раз бить, для надежности, и сразу ногами к полу прижимать, чтобы не дергалась.

И уже приготовился шейные позвонки сломать... но тут Акита прочухалась и спокойно так поинтересовалась:

– А потом что делать собираешься?

– Ничего, – насмешливо фыркнул парень. – Просто одной человечкой меньше станет.

– Так и одним эльфом меньше станет, – девушка понимала, что надо говорить. Уверенно.

И что это они сами виноваты. Она... Не объяснила, что так странно спасают. Надо объяснить и отправить к своим, лучше всего прямо сейчас и отправить.

– Да и ладно... – излишне безразлично произнес остроухий, наигранно. Как плохой актер в балагане.

– Нинор думал, что ты его брат, – Акита решила сразу открыться. Чтобы потом уже торговаться за свою жизнь спокойно.

Эльф весь сморщился, словно кислый фрукт съел.

– Из красивого имени рабскую кличку сделала? А брат его всем нужен, не только человеку.

– Ты меня слушаешь или нет? Мы думали, что спасаем его брата, а спасли тебя. Брата Нинора я бы оставила, а ты мне не сдался... так что я бы тебя отпустила, после того как лекарка твои ноги залечила.

– Ври... Человеки всегда врут.

– А смысл мне врать? – поинтересовалась Акита. – Сам подумай, зачем ты мне нужен, на всю голову ушибленный? Кролей у меня и без тебя хватает, гораздо пушистее будут, чем ты.

– Человечкам моя голова ушибленная не нужна, они о другом всегда бредят.

– Ты себя в зеркале видел? Соблазнитель! И воняет от тебя, как от хряка старосты в жаркий день. И ноги у тебя в стружьях, и...

– Так и зачем ты меня к себе притащила? Увидела бы, что не Ольар, и оставила бы... подышать, – вот если бы не заминка, может, и поверила бы Акита эльфу, такая убедительная злость звучала в его голосе. Но теперь девушка даже не сомневалась – подышать эльф совсем не хочет.

– Так я ж не знала, как он выглядит. А Нинор только дома сказал, что ты не его брат. Просил о тебе позаботиться.

– И ты тут же кинулась каприз молодого раба выполнять? Как вы умудрились Амнинора из лесу выманить, нягя гравеллен граулунг?!

– Сам ты... граулунг, – смысл ругательства Акита не поняла, но то, что «граулунг» – отдельное слово, уловила. – Нинор своего брата ищет, понятно? Поэтому и из лесу вышел...

– Чистокровный ради спасения полукровки решил переспать с человечкой? Что ж он тебя выбрал, ты ж деревенщина неотесанная, как ты ему брата спасешь?

– Тебя же спасла... идиота! – возмущилась девушка и неожиданно резким рывком приподняла давящие на грудь и шею чужие ноги, выкатилась подальше и только потом уселась, глядя на злоку, сверкающего глазами в ее сторону. – Завтра с утра в лес отвезу, пусть они тебя лечат.

Эльф лишь презрительно прищурился и губы надул... Акита про себя отметила, что красивый, гад, но только дурной по самые уши.

– Вот и сиди теперь до утра не пивши, придурок, – мстительно фыркнула девушка, отряхивая одежду. – А у Нинора – коса... Тебе ж глаз подбили, а не выбили. Хотя косу и одним глазом разглядеть можно, если глядеть вокруг, а не в своих обидах плескаться.

Развернулась и ушла, гордая и с прямой спиной.

А на крыльце дома уселась и расплакалась. Тихо-тихо, чтобы не разбудить никого. И щека горела, и шея болела, и внутри живота все ныло, а еще такой дурой себя чувствовала, прям хоть волком вой!..

Долго слезы лить Акита не стала, обругала себя нюней, вернулась в сарай, и пусть злость так и рвалась наружу, ну хоть ковшиком гаду по голове стукнуть – не позволила. Она – дура, эльф – дурной, оба хороши...

Эльф, кстати, смотрел на девушку с большим подозрением, вроде и с опаской, только какой-то усталой, что ли... Хорошего ничего не ждал, просто пытался понять, насколько больших размеров будет плохое, вот и все.

Акита подняла с пола ковшик, снова дошла до колодца, заодно лицо ополоснула зареванное. Глаза заплыли, нос подпух, щеки красными пятнами покрылись, но если не приглядываться сильно, то и не заметно. Не хватало еще, чтобы всякие остроухие ее слезам радовались!..

Увидев, что девушка снова вернулась, расслабившийся было эльф опять насторожился, и уши у него будто вытянулись.

Когда же она протянула ему ковш с водой на вытянутой вперед руке, как дядя Гош учил, а не как тупая деревенская девчонка какая-нибудь, которой можно этим ковшом по лицу съездить, эльф даже соизволил поинтересоваться:

– Отравила, что ли? Так нас людская отравка не берет, не старайся!

Акита промолчала, хотя ей было что ответить, много чего было. Слова просто рвались изнутри, но девушка поджала губы и молча посмотрела остроухому гаду прямо в глаза. Красивые, словно вытянутые к вискам, как у всех эльфов... От злости они еще чернее становились, а от удивления будто бы распахнулись, став еще больше.

И он не выдержал, потянулся к ковшу, весь напряженный, ожидающий подвоха, которого не последовало. Пил эльф быстро, большими глотками, и при этом взглядом постоянно буравил Акиту, отслеживал малейшее движение. Замирал, готовый вмиг отстраниться, если у девушки подергивалась затекшая рука...

Когда вода закончилась, глубоко вдохнул и устало откинулся назад, прижимаясь затылком к столбу. Прикрыв глаза, вроде бы расслабился, только по шее было заметно, как сглатывает часто-часто, словно все еще пьет...

Спустя пару минут молчания, пока оба расслаблялись, выдыхая напряжение, сгущающееся туманом над их головами, эльф взмахнул длинными ресницами и поинтересовался:

– «Спасибо», что ли, ждешь? Или еще как за воду отблагодарить надо?

Акита опять промолчала, считая про себя кроликов, маленьких пушистых кроликов, которые от страха могут задними лапами разорвать кожу на животе...

– Извиняться не буду, – с упрямым вызовом в голосе заявил в это время парень. – Не дождешься! Сама...

Девушка не выдержала, выбежала прочь, до дровницы, где кроме топора еще и большой нож прятался, схватила, влетела обратно в сарай... Широко распахнувшиеся глаза эльфа постаралась не заметить, хотя злорадство в душе мурлыкнуло сытой кошкой: «Боишься, гад остроухий?! Подыхать не хочешь?!». И рассекла ножом веревки, удерживающие парня у столба, а потом, пнув его коленом в спину... не удержалась... но стыдно не было... резанула со злостью, освобождая страшно затекшие руки. А потом обошла, встала напротив, усмехнулась отчаянно и еще несколько раз с размаху рубанула по веревкам на ногах. И застыла, выжидая, что дальше будет.

Эльф сначала попытался руками пошевелить, но с первого раза не вышло. Зато кровь по пережатым венам потекла, судя по искривившемуся от боли лицу. Как ни старался парень, как ни пыжился, а глаза и губы выдавали – больно ему, сильно больно.

Нормальный бы оказался – отбросила бы Акита нож в сторону и растерла, размяла бы и плечи, и руки, но не этому психу, нет... Тут оружие из рук выпускать опасно.

Только смотреть, как он сам пытается руками пошевелить, а они болтаются непослушными плетями вдоль тела – тоже тяжело. Но не уходить же, оставив его одного в сарае?

А эльф почему-то поглядывал на Акиту так, словно это она в его боли виновата. Или еще в чем-то, о чем даже не догадывается. Глаза сверкали гневно и... влажно. Нет, наверное, показалось – свет-то в сарае тусклый, всего пять свечей, под толстыми мутными колпаками, шестая и седьмая сгорели, сменить надо утром...

– Отвернись! – внезапно зло процедил парень. – Или не смотри на меня так...

– Как? – сначала искренне удивилась Акита, а потом уже тоже огрызнулась: – Я отвернусь, а ты мне по голове тем, что под руку подвернется?!

– Отвернись... – почти попросил, хотя все равно со злобой непонятно на что. – Клянусь, не трону я тебя!

– С чего вдруг мне твоим клятвам верить? Я тебя уже водичкой попоила... Живот до сих пор болит, и глотать больно. Не дождешься! – фыркнула девушка, а потом вздохнула, отложила нож подальше от эльфа, сделала пару шагов в его сторону, одумалась, вновь добежала до ножа, схватила его и вышла из сарая. Встала так, чтобы можно было за парнем следить, но он ее при этом не видел. Обманула, но не на словах, да и кто б в здравом уме клятвам таким поверил? Не тронет он ее... Дуры закончились, после того как ковшиком по скуле получили!

Едва Акита скрылась, эльф упал на пол сарая и начал кататься. Сначала девушка решила, что совсем головой тронулся внезапно. Но потом поняла – он так тело разминает. Слышно, что стонет от боли, но крутится, перекачивается, и вот вроде как уже смог рукой взмахнуть, вот и второй пошевелил. Молодец... догадливый!..

С пальцами заминка вышла, но опять же пол помог – парень даже кистями об него стучал. Но добился того, что смог кулак сжать, едва не заорал, правда, такой громкий скрежет зубами вместе со стоном вышел. Разжал и снова сжал, а потом со злости по полу несколько раз стукнул и опять за свое. Упрямый... Справился.

На ноги встал, держась за столб, постоял какое-то время. Ходить-то он мог, значит, что-то другое волновало, раз не сбегает прочь в свой лес, а шатается, как былинка, в чужом сарае.

– Я твой взгляд чувствую, – буркнул негромко, на Акита услышала. – Иди сюда, мне на лицо надо.

– Так и выходи, кто тебя держит? – тоже негромко поинтересовалась девушка.

– Не хватало еще, чтобы я при человечке...

– А я слышала, что вы с человеческими женщинами много чего проделываете и за равных себе не считаете, – огрызнулась Акита.

Но в сарай зашла, чтобы потом взглядом проследить, как эльф выполз во двор, огляделся и дошлепал до отхожей ямы. Запираться там не стал, дикарь остроухий, но девушке все равно только спину и видно было...

И вместо того чтобы валить прочь, вернулся обратно в сарай! Да что ж за наказание...

Глава 7

– Не смотри на меня так, – фыркнул парень, глядя на недоуменно-возмущенное лицо Акиты. – Не попру я пешком в ночи за неприятностями. Второй раз уже так не повезет. Да и не знаю я точно, куда идти.

– Туда, – махнула рукой девушка в направлении эльфийского леса и тяжело вздохнула. – Но второй раз тебе точно не повезет, да и Нинор хотел переговорить о брате.

Эльф как-то странно глянул на Акиту, потом уселся у столба, словно понравилось ему на этом месте, голову назад откинул, глаза закрыл...

Девушка уже решила, что это такой вежливый намек по-эльфийски, чтобы его в покое оставили, но тут парень тяжело вздохнул и признался:

– Не о чем ему со мной говорить. Не знаю я, где Ольар.

– На вас же всех вместе напали, – подсказала Акита.

Бывает иногда, когда плохое словно дымкой покрывается и забывается потихоньку. Вот и забылось. Да и били столько раз – может, вышибло, напомнить надо немного...

– Напали на Ольара, мы просто рядом оказались, – устало-безразлично признался эльф и так же устало продолжил: – На ближайшей стоянке мы с Дибримом попытались сбежать, но его поймали... – небольшая пауза очень напоминала минуту скорби, да и заигравшие желваки на скулах словно намекали, что судьба Дибрима оказалась не самой завидной. – А я сумел добраться обратно... – тут в хриплом простуженно-сорванном голосе парня зазвенела злость. – Почти сумел, но ночью наткнулся на работяг...

Эльф замолчал. Акита не стала лезть с утешениями и вопросами, ждала.

Спустя минуты две парень добавил:

– Фонинейлу ногу перебили, он поэтому с нами не сбежал. А Ольара я после нападения не видел. Его отдельно везли, может, впереди, может, в другое место совсем...

– Интересно, зачем людям понадобился эльфийский маг? – вроде бы сама у себя спросила девушка.

– С чего ты взяла, что на нас напали люди? – удивился эльф. – Оборотни это были. Волки. Дикае оборотни...

– Оборотни?! – изумилась Акита. – Брата Нинора похитили оборотни?!

– Да. Не думаю, что ему надо об этом знать.

– Ты прав, – согласилась девушка, сразу представив, как эльфенок отправляется на поиски в дикий лес. И ведь одного же она его не отпустит, придется с ним тащиться!..

– Дибрим погиб, – парень наконец решился сказать это словами, а не намеками и мимикой. – Но Фонинейл может быть еще жив. И Ольар. Так что завтра дойду до своих и попробую собрать отряд...

– Спасать пойдете? – спросила Акита, словно ей совсем не интересно и она совсем не переживает о том, как бы этот пришлый эльф не сманил за собой ее эльфенка...

– Хотя бы судьбу узнать, – решительно кивнул парень. – А то снится он мне... – и рукой махнул с таким лицом, словно девушке его переживаний не понять.

Насчет сна очень вовремя было сказано. Акита едва успела очередной зевком ладошкой прикрыть. Прямо вот как в присказке вышло, широко-широко, чтобы ворона залетела.

– Да иди уже, не маячь, – как-то даже по-доброму усмехнулся эльф. – Не порушу я тебе тут ничего, утром уйду.

– Дождись меня, вместе уйдем. Мне коня в город вернуть надо.

– Конь – это заманчиво, – хмыкнул парень и выразительно посмотрел на свои ноги. – Пожалуй, и правда дождусь.

Уже выходя из сарая, девушка вдруг обернулась и спросила, сама не поняла зачем:

– А тебя как зовут?

– Керанан, – на удивление спокойно назвался эльф.

– А меня – Акита.

И только потом пошла домой, засыпая на ходу. Но вдруг опять подорвалась, схватила одну из старых шуб и припустила обратно, кинула ее почти не глядя в сарай и побежала назад. Но сказанное ей вслед удивленное «спасибо» расслышала. И почему-то от этого было так тепло и приятно, что даже не сразу уснулось. И снились всякие глупости...

Утром Акита подскочила еще до рассвета, умылась, распинала нежившегося на печи Соля, накидала в миску каши с маслом, сверху большой ломоть хлеба, в другую руку – стакан с молоком и направилась в сарай. Шла спокойно, уговаривая себя, что если и сбежит, то не ее забота. Наоборот, хорошо. Главное, чтобы коней не увел... Да, может, и пусть Гнедого, только б не Каурого.

Накрутила себя, разнервничалась, влетела в сарай... и так и застыла. Не было эльфа в сарае!

Зато от дровницы, что чуть дальше, шел странный звук, из дома почти не слышный, но теперь очень четкий и знакомый.

Поставив миску и кружку на пол, Акита вышла и покралась к источнику звука... Тюк, тюк, тюк...

Да неужто?! И точно!.. Стоит такой, в одних штанах, мышцы на спине и плечах словно нарочно напряглись, а от рук вообще взгляда не отвести... Вот топор поднял и опускает, не как Соль – резко, а плавно, будто и вправду красуясь...

И вроде легонечко топором тюкнул, а полено сразу – раз и пополам в разные стороны, аккуратно так... И за следующим потянулся, наклонился, чтобы с земли поднять...

Акита вспыхнула и взгляд отвела. Хорошо, что в ночи не сильно-то хотелось эту красоту разглядывать, а то бы глупостей гораздо больше приснилось.

Главное – потом от парня совсем не пахнет, и волосы влажные. Помылся, что ли?

– Я у вас там у колодца лужу устроил, – буднично так, не оборачиваясь, вдруг сказал эльф. – Или высохла уже?

– Почти высохла, – ответила девушка почему-то шепотом. Тут же разозлилась и на себя, и на свое смущение и чуть резче, чем хотела, почти скомандовала: – Завтрак в сарае, я сейчас тоже поем и поеду.

– Хорошо.

Эльф... Керанан... Кер... метнул топор прямо в место, где тот всегда торчал. И топор воткнулся!

У Соля такое через раз, а то и два получается. Но тоже выходит иногда. Но чувствуется, что брат старается, напрягается.

А тут небрежно, будто играючи... Почти завистливо выдохнув, Акита побежала к дому и не видела, как Керанан вытер вспотевший лоб, пожимал и поразжимал пальцы, до сих пор непослушные, словно чужие. Топор-то уже для чистого выпендрежа кинул, чтобы перед человеком покрасоваться. Все же приятно, когда на тебя не с похотью, а с восхищением смотрят. Так, как и положено смотреть на эльфов...

Зайдя в сарай и увидев миску нормальной еды, Керанан даже постоял сначала немного, подождал – вдруг исчезнет. Все равно не верилось до сих пор, что кошмар кончился. И ныло внутри противное мерзкое: «Вернись домой и все забудь, живи как жил!».

Только не будет ему нормальной жизни, пока во снах являются то неотомщенный Дибрим, то оставленный у врагов Фонинейл. Да и с Ольаром они хоть друзьями и не были, но в одной деревне выросли, значит, тоже не чужие. Надо найти и спасти, если еще не поздно. Или убедиться, что сделал все возможное. Пусть совесть прекратит ныть и даст спокойно жить дальше.

А пока можно сесть и поесть нормально... и кашу сытную, сладкую, и булку вчерашнюю, мягкую, и молоко жирное, вкусное... Хорошо-то как на свободе!

Керанану достался Гнедой, но эльф выделываться не стал, уверенно уселся в седло и подождал, пропуская вперед Акиту на Кауром.

Деревня проводила парочку неодобрительными полусонными взглядами из окон. Здесь рано вставали только те, кому сплетничать некогда, других дел хватает. А кто еще в кроватях нежился, те во двор голяком выскакивать не будут, чтобы сразу свой интерес показать. Вот и зевают от изумления, прикрывшись занавесками.

Керан едва влез в рубашку Соля, и, если уж начистоту, лучше бы он ехал совсем без рубашки, чем так... Ткань едва не трещала, плотно обтягивая тело, и в голове сразу воспоминания о сегодняшнем утре, приснившихся в ночи глупостях... Вот нет бы о том, как этот бешеный кролик ее ногами в живот пинал – про это как вырезало!

Акита очень старалась разозлиться и перестать думать о ехавшем рядом эльфе. Только как о нем не думать-то? Едет же... Рядом... То обгонит, то отстанет...

Первое время поглядывал, хотя бы искоса, а потом перестал – места узнавать начал. А ближе к городу вообще помчался в сторону своего леса, лишь успев крикнуть, что коня к деревьям привяжет.

Акита Каурога понукать не стала, хотя тот и рвался следом. Но девушка, наоборот, удержала коня и почти поплелась, медленно-медленно, чтобы эльф скрылся поскорее и не отвлекал от мыслей.

Нинор с утра попытался тоже увязаться в город, но потом согласился, что лучше он к Керанану потом присоединится, когда тот соберет эльфийский отряд и пойдет спасать брата.

Хоть их деревенька не совсем по пути будет, но Кер пообещал заглянуть и забрать Нинора. Серьезно так пообещал, уверенно. Так что ни мальчишка, ни Акита не засомневались.

Это сейчас у девушки зацарапало на душе.

А с другой стороны, может, и правильно? Пусть тайком уйдут, без ее эльфенка. Сходят, спасут, вернутся... На обратном пути-то уж точно заглянут, если найдут этого Ольара. Должен же он навестить младшего братишку? Вот и заберет с собой. И станет у Акиты все как раньше – она, мама и Соль.

Доскакав до леса, девушка наткнулась на ругающихся на тропе трех эльфов – Кера и еще двоих, вроде как сильно постарше. Так-то возраст эльфов не определить... но чувствуется, что не молодые парни, мужчины уже.

Ругались они на эльфийском, так что Акита, прислушиваясь краем уха как к музыке, не слезая с Каурога, отвязала Гнедого, действительно привязанного у дерева, и уже собралась ехать в город, возвращать старого коня хозяевам, как Керан окликнул ее:

– Подожди...

И снова принялся ругаться со своими.

Язык-то красивый, но ясно, что не погоду обсуждают – глаза у всех троих злые, губы поджимают, когда молчат, руками даже пару раз махнули, что эльфам вообще несвойственно.

Наконец Кер плюнул этим двоим прямо под ноги, развернулся, подошел к застывшей девушке, выдернул у нее из рук поводья второго коня, уселся на Гнедого и мрачно поинтересовался:

– Где тут в городе заработать можно?

– Смотря сколько, – ответила Акита, едва сдерживая распирающее ее любопытство.

– На коня, на еду, на одежду и на оружие, – буркнул парень. – На хорошее эльфийское оружие.

– А эти что?.. – не выдержала девушка и едва заметно мотнула головой в сторону мужчин, так и стоявших на тропе в лес.

– А эти – все... «Предназначение окраинных эльфов – защищать истинных, а сражаться со зверообразными надо было тогда, когда они напали на деревню», – судя по слегка изменившемуся тембру и ехидству в голосе, Керан передразнивал кого-то из мужчин.

Помолчав какое-то время, он добавил:

– Может, кто-то из наших и помог бы, но мне не докричаться до них. А лес меня теперь не впустит.

И эльф длинно от души выругался на своем красивом мелодичном языке.

– Ничего не понимаю, – Акита даже Каурого остановила и подождала, пока Керан тоже притормозит. – Тебе запретили собрать отряд, чтобы отбить своих от оборотней?

– Да. Окраинные эльфы должны защищать лес, в котором живут истинные... И если бы я сказал, что готов вернуться и жить как раньше, меня бы пустили. А я-то хочу понять, что с моими друзьями! – Керан разволновался, голос повысил. – Но только люди бродят бесцельно с места на место, так что меня отправили к людям, – выдохнул он в конце самое главное. – Так что если я и найду своих, им в деревню вернуться позволят, а мне – нет.

Девушка попыталась понять, что сейчас было бы более уместно продемонстрировать – возмущение или соболезнования, потому что в ней было с верхом и одного, и второго.

Но тут эльф выдал, глядя в сторону, словно бы сам с собой разговаривал:

– Мне надо работу найти, пусть трудную, но чтобы быстро и сразу много денег. Потому что я хочу выяснить, что с моими друзьями. Может, и правда все дело в людской крови – не дает она мне спокойно сидеть на месте.

– Нинор чистокровный, а все равно брата искать пошел, – почему-то Аките стало вдруг обидно, причем не за людей, а за эльфов.

– У Амнинора мать испачкалась об человека, вот и сыну грязь передалась, – хмыкнул Керан. – Мне с кровью отца, а ему через мать...

– Глупости! – совсем уж разозлилась Акита. – Вы с Нинором себя нормально ведете. И если грязь – это желание спасти своих близких, то и хорошо, что ты тоже испачканный!.. Пусть они там все сидят в своем лесу, трусы несчастные. А мы поедем и выясним, что случилось с братом Нинора и твоими друзьями. Вот!..

Высказав все это, девушка первой поскакала в город, да так быстро, что эльф на старом коне даже отстал немного.

Глава 8

Помчалась Акита сразу к дяде Гошу. А к кому еще ехать просить помощи?

Посадила Керана на то же самое место, где ее ждал Нинор, и пошла к дяде. Рассказала все как есть, без утайки.

Про то, что стояла, никого не трогала, а тут эльфа мимо провели, вот и выкупила. Дык ведь думала, что нужный, а Нинор, как назло, из харчевни тогда еще не вышел...

Про то, что шалят в округе оборотни, соседей ушастых обижают. А вдруг на людей перекинута? И про то, что ушастые соседи всего одного героя готовы выделить в спасательный отряд. У них народа мало, вот и...

– Ты тут мне мозги пыльцой фейри не посыпай, – хмыкнул дядя Гош. – А то больно складно у тебя выходит. Не знал бы эльфийских порядков – поверил бы. Выгнали они твоего оболтуса спасенного и заботушку о нем на тебя повесили, так? Или не вешали, сама впряглась? Мало тебе одного, так ты и второго решила приютить? А о матери подумала?

Акита виновато нахмурилась, но промолчала. Только лицо упрямое состроила. Не на улице же Керану жить? Будет в сарае спать, что поделать.

– Значит, спасательный отряд, говоришь? Вот и будет твой ушастый этим отрядом. Сам себе командир. Коня и оружие выдам. Выполнит задание, разберется с оборотнями – возьму в городскую стражу. А не справится... мороки у тебя меньше.

Девушка радостно кивнула. Она и на такое-то везение не рассчитывала. Надеялась, что дядя просто Керана за конями следить приставит. А тут и оружие выдаст, и в стражники потом возьмет.

– С оборотнями нам войны не надо, серебра на них не напасешься. Дороговато выйдет... А так – с эльфами разборки затеяли, эльфы к ним разбираться и пришли. Все честь по чести. Зови сюда своего ушастого, выдам ему на снаряжение. Пусть распишется на документах – уважения к деньгам прибавится. А если еще и с печатью, так вообще проникнется...

Акита вышла и кивнула Керану, уверенно покачивающемуся на стуле, возле двери, и делавшему вид, что не замечает косых взглядов стражников. Вот словно так и надо, когда в здании городской управы, прямо на первом этаже, возле комнаты капитана городской стражи, сидит эльф-полукровка с наглой рожей, босой, в порванных штанах и рубахе на два размера меньше.

И со стула Кер встал, как с трона, потрянул черными густыми волосами, сверкнул черными глазами и скрылся за дверью. А Акита плюхнулась на теплый стул и задумалась. Дальше-то что делать?

Нинора отправить с этим самоуверенным парнем? Научит он мальчишку плохому, обидно. И дело не в том, что они теперь кровники, просто такой же дурачок, как Соль. Не ребенок – по заднице уже поздно. И не взрослый – одного без присмотра отпускать рано.

Опять же – мама... Одну не оставишь. Как быть?

Кер вышел все такой же уверенный, но немного озадаченный. В руках он держал мешочек с монетами – дядя Гош расщедрился. Или решил не скупиться, раз вместо целого отряда вооружает всего одного эльфа. Все равно пришлось бы с оборотнями разбираться, раз шалят рядом с городом. Пусть лес и чужой, но дорога к лесу – наша. Могли и людям навредить.

Сначала Акита проводила эльфа в швальню, где он себе самую дешевую одежду купил и сапоги. На сапоги долго вздыхал, но натягивать пока не стал, сделав вид, что из экономии. Но девушка заметила – больно ушастому, пусть и скрывает.

Портняжки на Акиту посматривали с подозрением – то одного эльфа приведет, то второго... Но работу свою сделали быстро.

Потом Кер пошел на рынок, приценился к коням, поторговался, выбрал недорогого, но молодого и выносливого. Уж в этом Акита разбиралась, хотя ее и не спрашивали.

Еще часть денег ушастый спустил в оружейной лавке.

Первым купил тяжелый арбалет с продольно-скользящим механизмом перезарядки. Девушка старалась не слишком откровенно любоваться, глядя, как напрягаются мышцы на руках Кера, пока он проверял это мощное оружие, возводя тетиву в боевое положение. Торговец тоже с уважением наблюдал за понимающим толк в оружии покупателем.

Когда Керан начал выбирать себе меч, Акита притихла в уголочке. Уж больно красив был полукровка. В плечах шире, чем чистые эльфы. Ростом повыше. Видно, что смесок, но для человека-то только привлекательнее от этого.

Парень, словно чувствуя, что на него смотрят, такие штуки с мечом выделял, каких Акита ни разу не видела. И ловко так, глаз не отвести!..

Девушка и не отводила. Старалась только, чтобы это не слишком заметно было, а то стыдно же... Осталось только начать на шею ушастому вешаться, как все. Нет уж!.. Не дождется!.. Не падет Акита так низко, чтобы глазки эльфу строить!.. И останется в его памяти особенной, вот...

Тут девушке почему-то взгрустнулось. Да Керан о ней забудет, и ста лет не пройдет!.. Особенная... Люди как люди. Ничего в ней особенного нет. Он, может, и имени-то ее не помнит.

– Чего пригорюнилась? Пойдем теперь за едой в дорогу, – ушастый, оказывается, уже все купил и теперь стоял рядом, слишком близко, так что от цветочно-травянистого запаха голова начинала кружиться.

Вот ведь приспичило ж... Природу не обманешь. Давно уже у Акиты парня не было, вот и крутит внизу живота от желания. И сны снятся... А тут эльф!.. Вот ведь напасть какая.

Еду в дорогу Кер выбирал опять же с пониманием. Вяленое мясо, сухари, крупы – все, что можно хранить долго, а готовить быстро. И воды набрал заговоренной, с легким травяным запахом.

А еще карту купил в первой встречной лавке с книжками. Очень умный эльф, даже посоветовать ему нечего...

Но одну глупость Керан все же совершил – настоял, что хочет пообедать в харчевне.

Вот и ехал теперь сытый, но с обновленным синяком под глазом и выбитой челюстью. Понятное дело, не в спасательный поход, а обратно в деревню, челюсть вправлять.

Заодно, может, Лилу с ногами поможет. Смазать там чем или припарки какие-то поделывать. Она ж целительница – должна придумать. Нехорошо это, когда сапоги надевать больно.

Ехали молча – с вывихом челюсти много не наболтаешь. Судя по мрачным взглядам, думал Кер о том, как бы он сейчас тому крупному, если бы уклонился, и тому бородатому, и... Видно было, что переживает.

Но оружие применять в городе нельзя, тогда бы поход на подольше пришлось отложить да еще и из-под ареста ушастого выкупать. А один ловкий, увертливый, жилистый эльф против десятка плечистых, высоких и уже от души успевших где-то выпить мужиков – не боец.

К Лилу заехали прямо по пути, та быстро оглядела Кера, сначала восхищенно, потом озабоченно... и принялась бегать, собирая мешок с лечебными травами-отварами.

И прибежала с этим мешком чуть ли не быстрее Акиты и Керана. Те только с коней спрыгнуть успели...

Соль повел Каурого и «эльфийского скакуна», Фина, в стойло, а все остальные пошли в баню – ну не в сарае же больного лечить? А домой нельзя – там мама... Молодому половозрелому эльфу она точно не обрадуется, а если решит, что тот что-то против ее дочки удумал, так вообще беда будет и сплошное огорчение.

В бане Лилу быстро все свое добро по верхней лавке расставила, Кера на нижнюю положила, ноги ему осмотрела... нахмурилась, пробурчала шепотом: «Эльфа испортить трудно, но вы – молодцы».

Потом сказала, чтобы Керан сел лицом к стене, а сама встала сзади, вплотную прижалась к спине парня, подбородок его в ладони сжала да как... Уух!

Нет, Акита уже видела что-то похожее, Солю тоже раз челюсть вправляли. Но брат тогда был маленький и столько слов не знал. А тут даже на певучем эльфийском ясно было, что не благодарит еще пока, а впечатлениями от лечения делится. Длинно так, с душой.

И только потом уже, когда Лилу развернула ушастого снова лицом к себе и принялась ему скулу, вокруг глаза мазью лечебной, очень пахучей мазать, вот тогда Кер соизволил «спасибо» сказать. Да и то звучало так, словно он по принуждению высочило.

А Лилу и Аките мазь протянула:

– Себе тоже синяк помажь, красавица!..

А красавица про синяк-то уже и забыла... Зато понятно, чего дядя Гош так на ее лицо косился. Но не спросил ничего. А Лилу спросила:

– Соль приложил? За то, что эльфов в дом таскаешь?

Акита ничего не ответила, только фыркнула загадочно-снисходительно. Ясно же, что скорее Соль от нее получит... Но кто именно одарил, говорить не стала. Да Лилу и не уточняла.

А вот эльф искоса посмотрел и взгляд отвел. Словно застыдился. Девушка даже решила, что ей показалось.

Да и потом не до этого стало, потому что Лилу принялась Керу ноги лечить. Пока она ему лицо в порядок приводила, эльф все это время ступни в горячей воде держал. Ради этого пришлось Соля, крутящегося возле бани, в дом за кипятком отправить.

А когда три воды сменилось, Лилу посчитала, что можно начинать. Достала острый нож и принялась срезать кожаные лохмотья и наросты, из которых потекла странная желтая гадость. А потом стала скоблить там, где трещины, глубокие, почти до мяса... срезая вокруг них белую твердую зароговевшую кожу. И ругалась она при этом шепотом ничуть не хуже Кера.

А тот помалкивал сидел. Терпел. Хотя иногда и дергался уголок губы или ухо вздрагивало, как у Каурого.

Нинора и Соля девушки выставили. Не балаган им тут, а человека, то есть эльфа, лечат.

Но когда Лилу уже заканчивала, дверь приоткрылась и вошла мама Акиты. Постояла спокойно. На Керана посмотрела хмуро. Дочь оглядела с ног до головы, озабоченно и с укором. Потом на ноги Кера взглянула, хмыкнула. Развернулась и вышла.

Только тогда девушки выдохнули. А Керан спрашивать ничего не стал. По Солю ж видно, что без эльфов в руду не обошлось.

Да и не до вопросов ему было. Потому что Лилу вдоволь наскоблилась и принялась мазь на распаренные очищенные ступни кусками накладывать. У Кера сразу такое лицо стало, словно хотел бы взвыть от боли, но две девушки рядом мешают. Он даже чтобы поругаться рот открыть боялся. Так и сидел, напряженный и застывший. Как истукан деревянный.

А Лилу свои вещи все в мешочек обратно покидала. Оставила только две баночки – одна для лица, «на двоих вам, чтобы снова красивые стали», а вторая для ног, «каждую ночь мажь, седмицу – точно, если не хочешь, чтобы гниль дальше пошла!».

И напоследок строго-настрога наказала – никаких походов! Пока ноги в порядок не придут. А то кто-то долго будет на костылях бегать. Эльф-инвалид. Диковинка.

Не то чтобы Керан впечатлился, но смирился с тем, что сегодня он точно никуда не пойдет. Только, судя по упрямо поджатым губам, завтра кто-то возьмет своего Фина и поскачет спасать друзей. Акита горько вздохнула. Ведь не отправишь его одного? Кто ему ноги по ночам бинтовать будет, сам, что ли?!

Глава 9

Проводив Лилу до калитки, Акита зашла домой, а потом вернулась обратно в баню. Сегодня Керан должен был ночевать там, а не в сарае. Поэтому туда надо было натащить мягких теплых шуб. Конечно, в бане печка есть, которую Кер уже затопил, судя по дыму из трубы. Но на жестких лавках спать все равно неудобно. К утру все косточки болеть будут.

Девушка вошла и застыла, любуясь на полуодетого эльфа. Рубаху он с себя при Лилу стащил, а еще целительница заставила ушастого на время штаны снять. Только Акита тогда из бани выскочила, покраснев, как рак в кипятке. И вроде нового ничего увидеть не должна была, а все равно уши вспыхнули и щеки румянцем залило. Даже подсматривающий в окно Соль удивился и не обиделся, получив нагоняй и затрещину. Он сестру такой смущенной давно не видел.

И сейчас, глядя на четко очерченный рельеф живота, девушка почувствовала, что снова краснеет. Особенно когда попыталась глаза поднять и встретилась взглядом с Кераном. Тот смотрел на нее. Смотрел внимательно и серьезно. Только уголок губ чуть подрагивал.

Красивые у него губы, не тонкие, не пухлые... манящие.

Ох, не о том думать надо! О другом... О...

– Прости, – и по девичьему лицу нежно скользнули пальцы эльфа, почему-то до сих пор немного прохладные, хотя в бане уже было жарко. Аките так точно было жарко...

Вот, казалось бы, и некуда больше щекам вспыхивать – и так красные, но как только Кер погладил легонечко, едва прикоснувшись к тому месту, где ковш по скуле прошел, как стало еще горячее. И не только щекам...

Бежать надо! В дом бежать, запереться в своей комнате, прогнать Нинора спать к Солю, а самой срамные сны смотреть, после которых во всем теле сладкая истома. Но вместо этого Акита глаза закрыла. Хорошо-то как... А вроде бы просто гладит... Ой, нет, уже не просто!..

Те самые губы, красивые, на которые любоваться и любоваться, прикоснулись к губам девушки. Теплые, чуть шершавые, но мягкие и настойчивые такие... ласково настойчивые.

– Ты что?.. Ты зачем?.. – Акита от изумления глаза широко распахнула и уставилась на загадочного эльфа. – Ты меня что, соблазнить хочешь?

– А почему нет? – улыбнулся Кер. Не нагло, как некоторые парни в деревни, об которых потом палку сломать не жалко. – Или ты девственница?

– А если и так?

Акита девственницей уже давно не была. Нашелся тот, кто вместо палки заслужил ее тело. Но почему-то вдруг захотелось понять, отступится ли от нее Кер, узнав, что за столько лет она никому не приглянулась.

– Первый раз не в бане надо, – хмыкнул ушастый. – По-другому тогда...

– На сеновале, например? – засмеялась девушка.

И, шалея от собственной храбрости, запустила свои пальцы в черные волосы Керана. Жесткие, густые... Губами к его губам потянулась, чтобы слиться в поцелуе. Так, чтобы сердце заходило от желания продолжить. А зажмурилась в последний момент, когда уже неприлично стало в черные бездонные глаза смотреть. Словно еще чуть-чуть – и утонешь в них...

А дальше сумасшествие какое-то началось. Словно вот только этого мужчину и ждала, чтобы разум потерять. Но когда уже на теле кроме сорочки и трусиков не осталось ничего, Акита на время вынырнула из сладкого забытья. Огляделась...

– Расслабься, лисичка... я тебя не обижу! Ты же меня хочешь!..

– С чего ты взял?! – дрожащим от возбуждения и волнения голосом спросила девушка. Напряглась почему-то, готовая схватить одежду и сбежать прочь.

– Видно... – рассмеялся Кер хрипловатым смехом, от которого внизу живота сладко зануло. Акита не поняла, как на такое отреагировать. Оскорбить хотел, шалавой, которая всех хочет, назвал? Или просто это игра такая? Чего обижаться, если и правда видно, что тело крутит от желания?

– И я тебя хочу, – Кер словно почувствовал сомнения девушки. – По мне тоже видно... – и снова засмеялся, а руку Акиты себе на штаны положил. Чтобы не только увидеть, но и потрогать могла. Убедиться, что он ее тоже хочет.

Так парни всегда хотят – они так устроены ж... Или не так? Не всегда?

Эльфы людей не всегда хотят, наверное. Значит она – особенная?

– Лисичка... – губы Керана оказались близко-близко к уху девушки. И его горячий шепот, как стрела, пронзил все тело, оставляя за собой озноб и жар вместе. – Знаешь, как нам тут с тобой будет удобно!..

Акита даже ойкнуть не успела, как и сорочка отлетела в сторону, и трусики оказались стянуты. А она сама, уперевшись руками во вторую полку, стояла спиной к эльфу, призывно широко раздвинув ноги... но при этом стыдно почему-то не было, только горячо и сладко. И очень хотелось, чтобы вот то, что она нащупала у Кера в штанах... чтобы уже скорее оказалось в ней. Хотелось, вопреки печальному опыту.

Почему-то Акита была уверена, что сейчас все будет не так, как в первый раз. А ведь тогда она активная была, крутила парнем, как ей вздумается. Сейчас же Кер решает все за

нее... И от его пальцев, проскользнувших туда, где все сжимается и пульсирует от желания, голова кругом. А он еще ладонью другой руки гладит – и грудь, и живот, и бедра... И пальцы внутри двигаются, словно дразнятся. А девушка, уже даже не замечая, выгибается в спине все сильнее, раскрываясь все шире, забыв обо всем от стучащего в голове тяжелой гномьей кувалдой возбуждения.

– Какая ты сейчас... доступная!..

Акита вздрогнула, дернулась, развернулась, попыталась вырваться, сбежать прочь...

– Прости... прости, лисичка!.. – жаркий шепот Кера и его ласки сглаживали обиду, но в голове прояснилось и захотелось скорее в дом, укрыться одеялом и расплакаться.

– Я не знаю, как другим словом сказать... но я не хотел тебя оскорбить, прости! – Керан теперь не только гладил, но и целовал, прижав к себе, заставив уткнуться ему в плечо, вдохнуть его запах. – Поза просто удобная, – судя по голосу, ушастый улыбнулся. Быстро, скупно, но улыбнулся.

Акита голову подняла, посмотрела – не насмехается, серьезный стоит. Виноватый даже немного. А глаза горят шалым блеском, и капельки пота над губой.

– Просто тебя всю ласкать можно, когда ты так стояла. Удобно, – вот смешинки в глазах сверкнули, но при этом все равно серьезный. И пальцем за подбородок голову девушке еще больше приподнял, чтобы совсем взгляды пересеклись. – Тебе же нравилось?

– Нравилось...

И снова горячие губы, сцеловывавшие со щек слезы, которые все равно каким-то чудом там появились. Хотя Акита уже передумала плакать, потому что Керан же эльф. Вот и не подумал, что таким словом оскорбить можно. Правду сказал.

Глупо вышло... Ох как глупо...

И хорошо, что не успела убежать. Что он ее поймал... Что... Что опять поставил так, как стояла, и гномья кувалда вновь стучит в голову, прогоняя прочь все остальные мысли. Сейчас не время думать...

А уж когда возбужденная плоть, мужская и женская, слились, тогда тем более не до раздумий стало. Все тело плавилось, перед глазами все плыло, волосы влажные прилипали к лицу, к губам, рассыпались по спине, щекотали грудь... правую... Потому что левую ласково сжимала ладонь Кера. Не сдавливала, не мяла, как вымя у коровы, нет... нежно сжимала. А еще эльф большим пальцем сосок гладил, добавляя приятных ощущений. И... его рука, обхватывающая под бедра и потом вниз, между широко расставленных ног... Кер позволял девушке скользить по его пальцам, не брезгая тем, какая она влажная и распаленная. И стоны Акиты ему нравились. И он сам тоже стонал, негромко, но после каждого хрипловатого выдоха сердце заходило и хотелось раскрыться еще больше, чтобы он вошел в нее еще глубже и снова застонал... Потому что ему хорошо с ней! И ей – с ним... И жаль, что это блаженство не может длиться вечно!..

Хорошо, что Кер поддерживал, а то бы так и растеклась от удовольствия...

Но едва в голове прояснилось, девушка накинула на себя сорочку, сверху одну из шуб, схватила остальную одежду и помчалась в дом. Влетела, обувь скинула, шубу бросила, мимо Соля и матери промчалась к себе в комнату, Нинора чуть ли не пинком выставила, заперлась, под одеяло залезла и замерла. Что теперь делать дальше? Плакать? Вроде не из-за чего... Смеяться и радоваться? Страшно!.. А вдруг завтра скажет, что все померещилось? Сделает вид, что ничего не было. Смеяться станет над глупой человечкой, которая себе невесть что выдумала?

Так вся в сомнениях и уснула...

А утром, подскочив ни свет ни заря, стараясь не замечать осуждающих взглядов матери, объявила, что они съезжают на разведку. Три дня туда, три обратно. День там. Съезжают и выяснят, что в том диком лесу происходит. Благо возле него рядом город есть, а в городе люди живут.

За седмицу никто без Акиты не помрет, хозяйство до упадка не доведет. И малолетних эльфов никто с собой брать не собирается – тоже пусть остаются и помогают. Их же брата спасать едут!..

За одним ушастым Акита присмотреть готова, а двоих не потянет. Так что пусть второй за хозяйством присматривает вместе с Солем.

Нинор пошумел, покапризничал, даже ультиматум попробовал выдвинуть, но потом вздохнул и смирился. Потому что по людским местам одной человеческой девушке с двумя эльфами, вооруженным и нет, ездить не очень спокойно. Если бы у Нинора конь и меч были – другой разговор. Но все равно опасно. Ладно, Кер – полукровка, такие и среди людей, и среди эльфов живут. А Нинор-то чистокровный. Уговорили общими усилиями.

Тогда Акита побежала в баню, звать Керана завтракать. Но эльф встретил ее с суровым лицом, словно и правда вся эта ночь жаркая им примерещилась. Есть отказался. И вообще вел себя странно, словно обиделся на что-то.

Девушка решила, что на обиженных воду возят, но завтрак с собой взяла – вдруг ушастый одумается и согласится перекусить?

Часа два ехали молча, вот совсем молча. Даже про природу не говорили. Акита уже все-ррез нервничать начала, как вдруг Кер притормозил, обернулся, зло прищурился и спросил:

– Что, так плохо было?!

Девушка тоже резко остановила Каурого, замерла, растерянно глядя на Керана. Отрицательно замотала головой:

– Нет, что ты! Хорошо... хорошо было... очень хорошо!

– Тогда почему ты от меня сбежала, словно заяц от волка? Ни слова не сказала! Ладно, спать в своей кровати удобнее, я и не надеялся, что ты со мной останешься. Но ты даже поцеловать себя на прощание не дала!.. Так разочаровалась, что смотреть на меня противно?!

Акита совсем растерялась. И как ему объяснить теперь, что она не так думала, наоборот...

– Переспала с эльфом, есть чем перед подругами хвастаться, можно теперь...

Девушка молча слезла с Каурого, подошла к Керану, дернула его за руку... Парень тоже прыгнул на землю и стоял перед ней, злющий и родной-родной. Акита даже думать не стала, обняла и поцеловала, крепко-крепко. И только потом призналась виноватым шепотом:

– Я сбежала, потому что думала, что ты поиграл, и все... Как отец Соля с моей мамой.

– Так вроде бы там насилие было, – уточнил Кер, обняв девушку, и, не дав ей ответить, сам поцеловал. – А у нас по согласию все. Это ж другое.

Акита, закрывшая глаза на время поцелуя, снова их открыла, посмотрела на парня и вдруг охнула испуганно:

– Как же это я... про траву забыла!.. Надо вернуться к Лилу, травы взять отприплодной...

– Зачем? – нахмурился Кер. – Не надо никакой травы, я был осторожен.

– Ну на потом... – ляпнула девушка и смутилась. С чего вдруг она взяла, что это «потом» будет?

– И на потом не надо, – усмехнулся Керан. – От эльфа забеременеть не так легко, как кажется.

– Откуда же тогда полукровки берутся? – не удержалась Акита, съехидничала. А то ишь ты, волшебные какие... дети от них не рождаются...

– Осторожность теряется только, когда в голове любовь или ненависть. Иначе бы уже давно одни полукровки эльфийские вместо людей по свету бегали.

Девушка вздохнула и вновь смутилась. И так ясно, раз говорит, что осторожен, значит, не любит. Да и какая любовь-то, когда они пару дней знакомы? Но почему-то все равно немножко обидно стало. Глупеет она рядом с этим эльфом, и мысли глупые в голову лезут, и желания.

– Мир? – Акита решила превратить все в шутку, а потом вспомнила про завтрак. – Давай теперь поешь нормально. Нельзя натошак в дорогу отправляться.

Глава 10

Расстелив на траве покрывало, Акита быстро выставила перед Кером несъеденный им завтрак – бутылку киселя домашнего закупоренную, хлеб, вареные яйца, огурцы хрустящие, еще не засоленные. Последний урожай в этом году, больше уже не вырастет ничего путного.

– А молока нет? – поинтересовался Керан, слолав все что было и грустно дожевывая огурец.

Акита даже язык прикусила, чтобы не ответить: «Где ж ты утром был, прожористо ушастое?!». Но сдержалась, только брови нахмурила и головой помотала.

Эльф печально вздохнул, а потом принялся закапывать объедки и шелуху от яиц. Акита же пустую бутылку обратно в мешок убрала и покрывало сложила.

Дальше уже гораздо веселее поехалось, пусть и молчали больше, но не обидно, а просто так. Потому что оба по пустякам болтать не любили, так что только по делу фразами перекидывались и улыбались иногда друг другу. А один раз Кер сорвался, ускакал в сторону и вернулся с большим цветком. Лепестки у него были яркие, блестящие, прям даже жмуриться хотелось. Зелено-синие.

– Держи, лисичка, – рассмеялся эльф и приладил этот цветок девушке в волосы. Надежно так приладил, как наколдовал, даром что полукровка.

Соль тоже может, если напряжется, редкий гриб найти или ягодник хороший. А вот чтобы цветок в волосах целый день держался – так только мама умела, когда Акита еще маленькая совсем была.

Пообедать остановились на берегу реки. Кер развел костер, соорудил из палки и рубахи что-то похожее на сачок, залез в воду, покрутился там немного и принес на берег мелких рыбешек. Не много, но на вкусный суп хватило.

Потом лежали на покрывале, тесненько прижавшись друг к другу... Акита осмелела настолько, что даже рискнула пристроить голову на плечо Керу. И тот не возражал, лежал спокойно на спине, смотрел в небо, жевал травинку, думал о чем-то своем.

Девушка даже задремала, уставшая от такой долгой езды, да еще после сытного обеда. Но без капризов соскочила, едва эльф заерзал и объявил:

– Все, хватит валяться!..

Акита только фыркнула про себя. Тоже мне ушастый командир нашелся... Можно подумать, сам только ради нее и пролежал неподвижно с час, а то и больше. На самом-то деле рубашку свою мокрую сушил...

От реки дальше дорога шла вглубь леса. Осинки и березки сменялись елками, светло-зеленое радостное колыхание с просвечивающей голубизной неба – густой темно-зеленой мрачностью. И настроение у Кера тоже заметно испортилось. Он постоянно смотрел по сторонам, приглядывался... Несколько раз спрыгивал с коня и уходил с дороги, чтобы вернуться еще более нахмуренным и мрачным.

– Не помню я этих мест, – признался он наконец. – Значит, должен быть еще какой-то путь, которого на карте нет.

– Давай прогуляемся в ельник поглубже? – храбро предложила Акита. – Может, и найдем тайную тропу оборотней.

Керан, немного подумав, помотал головой:

– Нет, опасно. Вместе с тропой мы и самих оборотней можем найти. Ты хоть и лисичка, но красться совсем не умеешь. Да они и по запаху нас учуют. Мы в лесу даже верхом от них не ускачем – нагонят. А оставлять коней опасно – тут не только оборотни, но и обычные хищники водятся. Сожрут еще... Мы иначе сделаем, – решил эльф. – Доедем до ближайшей деревни, я тебя там оставлю и...

– Оставит он меня! – обозлилась Акита. – Ты меня с собой не приглашал, я сама пошла. И одного тебя по лесу бродить не пущу!.. Тоже мне удумал!.. – и честно призналась: – Да я изведусь вся! Изволнуюсь!

– Ну, может, я кого-то местного уговорю, – предложил Кер, решив не спорить с девушкой. Главное было – довести ее до безопасного места и пристроить так, чтобы она сама за ним в лес не ринулась. А дальше пусть изводится до его возвращения. Ну покричит, пошумит и угомонится.

Зато, может, он и правда тайный путь найдет, по которому его везли. И уже по этому пути будет ясно – куда именно, а может, и еще что-то прояснится...

Услышав про местного, Акита успокоилась, так что дальше до самой ночи они скакали без пререканий, пока не вылетели из леса прямо в сверкающую лучинками в каждом окошке деревеньку.

На постоя их взяли сразу в первом же доме, куда постучались, даже ужин выставили. И на уши Кера не слишком сильно косились, но поглядывали с интересом. Про тайные пути оборотней хозяева лишь плечами пожали – нет, не шалят тут людозвери, появляются редко, ведут себя тихо. Никаких окольных дорог в округе нет, только прямая. А по лесу в ночи бегать компанию найти можно, да только не задаром.

Так что Керан Акиту оставил, а сам ушел. Понятно, что сна у девушки ни в одном глазу не было. Всю ночь просидела под дверью, вздрагивая на каждый шорох и готовая кинуться навстречу. Хозяева сначала вопросами развлекали, а потом спать разошлись.

Акита задремала лишь под утро и проснулась оттого, что кто-то ей нежно-нежно верхнюю губу и кончик носа щекочет.

– Вставай, лисичка. Позавтракаем и дальше поедем.

Девушка решила не спрашивать, с чего такая спешка и почему не отоспаться в удобном месте после тяжелой ночи. Зато про ноги Кера вспомнила, заставила сапоги снять, обмыла и перевязала, пока парень шипел и ругался, что надо торопиться. Но не рыпался. И по лицу было видно, что от перевязки и новой порции мази ему лучше стало. Уходил по лесу, герой...

После завтрака Керана совсем разморило, он даже зевать стал, но потряс головой, собрался и потащил Акиту прочь, на коней и в дорогу.

И только по пути рассказал обо всем, что узнал.

На самом деле узнал Кер не так уж и много. Только то, что дорога все же есть. Правда, начинается она не перед, а за деревней. И ездят по ней не мирные обыватели, а те, кому хочется быстро домчать до дикого леса. И места знакомые эльф тоже нашел... но до того, которое каждую ночь снится, так и не добрался. Далековато пешком оказалось. Был бы один – поперся бы, несмотря на боль в усталых ногах. Из какого-то непонятого глупого упрямства, чтобы зачехоту разворошить едва покрывшуюся первой прозрачной кожицей рану, вспомнить и помянуть Дибрима.

Но с ним были два деревенских мужика, суровых, лохматых и настроенных вернуть его к утру в деревню, пусть даже силой.

Сначала Кер вообще хотел идти без них, потому что природная осторожность настойчиво намекала – спеленают эти двое его в темном лесу и опять продадут в рабство. Поэтому даже оружием перед ними перед выходом покрутил, чтобы не сомневались – легко они его не получают.

Но мужчины на это все хмыкнули и сказали, что с Гошем Лайне связываться ни у кого желания нет. Хороший мужик, за своих всегда отомстит, потом еще раз найдет и снова отомстит. До тех пор пока не сдохнешь. Был тут один такой умный...

Так что они лучше эльфа по лесу поводят и обратно приведут. Смысл всей речи был – как хочешь, парень, а до утра в деревню вернуться придется.

Керан сначала кто такой Гош Лайне не сообразил, но потом догадался – деньги у него в мешочке лежали вместе с бумагой, которую ему знакомый Акиты дал. А там – да, подписано было: капитан Гош Лайне. Хорошие у лисички знакомые, полезные. Одна их роспись грабителей отпугивает.

Мужики деревенские сказали, что какой дорогой не иди, а придешь все равно в дикий лес. Ответвлений нет. Так что Кер успокоился, по сторонам вглядывался уже не так пристально и вообще ближе к обеду даже пару раз улыбнулся, глядя на девушку.

Постоянно, когда о ней думал, с цветком ее сравнивал. Красивая, хрупкая и завянет быстро... Жаль. Странно, но жаль.

Эльф у нравилось, как Акита о нем заботилась. Особенно когда ноги омывала. Было в этом что-то такое... щемяще-возбуждающее.

Человечка на коленях, совсем как в давние времена. И во взгляде восхищение. Приятно!..

Вот и выделялся перед ней как мог, чтобы снова поймать это выражение в глазах. Почувствовать себя всемогущим первородным, а не полукровкой с окраины.

И еще Кер ощущал где-то глубоко-глубоко внутри, что когда рядом Акита, у него никаких сомнений в удаче не возникает. А еще... что он не может ее разочаровать. Ему надо, чтобы она на него так смотрела, всегда. Как лекарство... после всего того, что он пережил от людей.

Главное – не расслабиться и помнить о том, что Лисичка – особенная. А большинство людей – обычные и уже давно забыли, что эльфами надо восхищаться как недоступными богоподобными первородными созданиями.

Кер даже сам про себя мысленно рассмеялся, улыбнулся и посмотрел на Акиту, скачущую рядом. Раньше у него ничего подобного в голове не было. Наоборот, его постоянно с детства носом тыкали в то, что он грязный, никчемный, окраинный, полукровка. А теперь от одного взгляда этой смешной человечки внутри уверенность, что даже горы сможет свернуть. Легко!..

Акита, пусть и совсем не выпавшая за ночь, на свежем утреннем воздухе даже взбодрилась. И только ближе к обеду опять раззевалась. Так что даже Кер сжалился и объявил привал. Девушка сначала ринулась помогать готовить обед, потом расстелила покрывало и уселась у костра, ждать, пока сухое мясо размокнет в котле и можно будет похлебать вкусный бульон с еще более вкусной гущей. Уже сквозь чуткую полудрему она почувствовала, как ее накрыло сверху чем-то теплым. Наверное, вторым покрывалом, тем, что у Кера.

– Поспи немножко...

Девушка согласно угукнула и свернулась клубочком. Поспать немножко действительно было нужно.

Глава 11

Долго поспать не вышло, но на какое-то время клевать носом Каурога в гриву расхотелось. Так что до следующей деревеньки, выбранной для ночевки, добрались, и только тут Акита плавно сползла с коня, пролепетала что-то вежливое, похлебала что-то горячее, в полусне даже не разобрала что, и упала там, где сказали. И сразу уснула...

А Керану не спалось. Нет, спать-то хотелось, но мысли в голове мешались и чувства разные.

В их поселке окраинном был старик, много повидавший. Его из уважения к годам пустили, а так-то он беспокойный был, приключений пережил много, но рассказывал про них тайком – запретили ему, чтобы детей плохому не научил. Вот мальчишкой Кер к нему часто бегал, сказки странные слушать. Тишком, конечно, крадучись, чтобы мать не прознала.

Так вот он часто говорил, что его вина гложет перед своими друзьями за то, что выжил. Честно выжил, но вот друзей нет, а он остался. И вина гложет.

Только сейчас Кер понял слова старика, прочувствовал. Днем вина не так грызла, затихала. А к вечеру и воспоминания перед глазами, и стыд не понятно за что, и вина эта...

И ведь не виноват он, что Фонинейл ногу повредил. И что бегаёт быстрее Дибрима – тоже не виноват...

Можно было схватить первую попавшуюся палку, ринуться на врагов, умереть сражаясь...

Но ноги на миг плотно приросли к земле, когда Кер обернулся на крик и увидел огромного серебряного оборотня, напрыгивающего другу на спину. А потом... потом он пришел в себя уже далеко от того страшного места. Никогда раньше так быстро не бежал, не разбирая дороги, по камням, по веткам, по шишкам. Наверное, и ноги тогда изуродовал – от сапог, когда в себя пришел, ничего не осталось.

И вот эта ежевечерняя маета, каша из воспоминаний детства, когда они еще все вместе, нападение, прощальный взгляд Фонинейла, крик Дибрима, оборотень... свист ветра в ушах, ужас до потери разума... рабство... последнее удалось пережить именно потому, что думалось постоянно о другом. Нет, он огрызался, кидался в драку, как ненормальный... руками, ногами, головой... кусался даже. Странно, что ему зубы никто не выбил. Берегли.

– Ты что не спишь? – Акита уселась в ногах, сладко зевнула, посмотрела за окно. – Пойду осмотрюсь тут, – и усмехнулась немного смущенно.

– Проводить? – Кер приподнялся с лавки, обрадовавшись возможности отвлечься от своих мыслей.

– Авось не потеряюсь, – рассмеялась девушка и, укутавшись в чей-то тулуп, выскочила во двор.

Керан посидел на лавке, подождал, пока Акита вернется. А то мало ли... Вдруг бы и правда потерялась.

А потом облегченно выдохнул, когда она улеглась рядом. Подхватил за талию, перетащил через себя, прижал к стенке и почти тут же уснул. Словно вот этого дышащего рядом теплого девичьего тела ему и не хватало, чтобы успокоиться. Хотя бы на эту ночь.

Утром сорвались снова рано, но позавтракали плотно. И снова через лес... густой и мрачный. Хотя конечной цели пути, того самого леса, что зовут «диким», достигли лишь ближе к вечеру.

Главное, ехать-то надо было по краю. И пока солнце не село, если приглядеться, даже просветы были видны слева – река, за ней другой лес, деревушка какая-то заброшенная... А потом и стемнело, и заехать пришлось поглубже.

Аките еще с обеда неуютно как-то стало и с каждым часом делалось все страшнее и страшнее. Но перед эльфом свой страх показывать не хотелось. Вот и ехала вроде спокойно. Только пальцы сжимались покрепче, да по сторонам головой крутила сильнее, прислушиваясь к каждому шороху и вздрагивая от треска веток под копытами Каурога.

Керан свой страх прятал еще дальше, потому что ему надо было быть сейчас храбрым и за себя, и за человечку, которую с собой потащил. На какое-то время даже зло на нее проснулось – увязалась за ним зачем-то! Но потом стыдно стало за такие мысли. Если бы не девушка, денег у него бы на коня и оружие долго не появилось. И документа с подписью ее знакомого – тоже. Так что по людским деревням недолго бы ему гулять пришлось – снова где-нибудь мешок на голову надели бы, и опять в цепях пришлось бы сидеть.

– Слушай, а ты за своего брата не боишься?

Акита нахмурилась, даже голову набок склонила, чтобы понять, к чему вдруг такой вопрос прозвучал.

– Ну он же тоже эльфийских кровей, видно же, – попытался Кер объяснить свою мысль.

– По нему видно, что он людьми выращен, – фыркнула девушка. – И то, что крови в нем эльфийской кот наплакал, тоже видно. А тебя по неопытности и за чистокровного при-

нять можно. Но даже полукровкам трудно, – девушка вздохнула немного виновато. – Не везде, конечно. Говорят, есть города, где все дружно живут.

Тут снова хрустнула ветка, только где-то справа от дороги. Акита испуганно ойкнула. Кер вытащил свой меч. Но даже эльфийским обостренным зрением не увидел того, кто прервал их разговор.

– Вперед! – скомандовал он и поскакал вторым, пропустив девушку вперед.

Нет, с ней он не поступит так же, как с Дибримом!.. Или вдвоем, или пусть спасется одна она. Еще один груз на совесть и душу Керан взять был не готов. Лучше смерть.

К счастью, в этот вечер все обошлось, даже коней загнать не успели. Выскочили из леса, огляделись и уже не так резво поскакали к воротам небольшого городка. Именно тут Кер рассчитывал выяснить хоть что-то об оборотнях. Найти того, кто посодействует ему переговорить с ними или просто подскажет, что происходит и как он может помочь Фонинойлу... если тот выжил. Ну и судьбу Ольара прояснить тоже нужно попытаться. Не каждый день оборотням эльфийских магов заказывают.

Правда, до разговора с Акитой Кер никак понять не мог, зачем оборотням Ольар понадобился. Ну магичит немного, так этого добра в любом эльфийском лесу найти можно. Зачем так далеко бежать было? А вот когда девушка про стихийную магию проговорила, тогда у Керана все в голове и прояснилось. Стихийные маги – редкость. Значит, понадобился кому-то. Только кому?

В город их пустили, даже на Керана не косились. Только пошутил один, чтоб ушами не хлопал, так то по поводу кошелька с деньгами было сказано. Воруют много.

Кер все равно на шутку зубами скрипнул, так что Аките пришлось его аккуратно за руку взять и по пальцам незаметно погладить.

Страшно было – вдруг дернется, огрызнется, скажет, чтобы не позорила. Первый раз ведь на людях решила показать, что не чужие. Что не просто вместе едут, а вот может и прикоснуться, погладить, успокоить. Слово этот красивый парень – ее.

Но Кер мало того, что руку не отдернул, наоборот, посмотрел искоса, улыбнулся заботливо:

– Не бойся, лисичка!

И сразу так тепло на душе стало. До тоски на сердце...

По темным улицам доехали до ближайшей «приличной» гостиницы, той, что стража посоветовала. Огляделись и, не сговариваясь, поехали искать другую. Вроде гостиница с виду нормальная была, а не тянуло туда, уютом не пахло. Акита такое сразу чуяла, а Кер уже ей доверять привык – в деревнях домики для ночлега тоже девушка выбирала.

Покружив немного по городу, уткнулись в небольшую двухэтажную таверну с табличкой «сдаем комнаты». Название у таверны было не очень завлекательное: «Серая гавань», но пахло из окна кухни умопомрачительно.

А почему «Серая гавань» – стало ясно сразу, как вошли – целый зал оборотней. Спрашивай и выясняй, пока язык не отвалится.

Акита ойкнула и спряталась за Кера. Людозверей она встречала не так часто и побаивалась. Против них с плеткой не пойдешь – сломают и плетку, и руку.

– Поесть зашли или ночлег ищите? – красивый смуглый парень возник словно из ниоткуда, оценивающе оглядел Керана, улыбнулся Аките, махнул рукой за столик: – Прошу. Мы не кусаемся, когда сытые.

Зал дружно заржал.

Акита вежливо улыбнулась.

Керан, сжав кулаки от напряжения, спокойно прошел к указанному столику. Каждый шаг давался ему с трудом. Ноги так и норовили прирасти к полу.

– Эй, ушастый...

Пальцы Кера сжали небольшой нож, припрятанный за поясом. Еще миг – и эльф метнул бы его в сидящего мужчину. Акита, идущая к столику первой, обернулась, оценила обстановку, но первым среагировал смуглый подавальщик:

– Ты повежливей с гостями. У тебя во втором облике к ушам еще и хвост добавляется, а мы все равно тебя Регнумом, а не «хвостатым» зовем.

Мужик хмыкнул, Керан расслабил хватку, но пальцы переместил на меч – это оружие надежней в большой драке.

Акита застыла, не дойдя до их столика трех шагов, не зная, что делать. Солю бы подзатыльник отвесила, Нинора бы вообще собой прикрыла, а тут взрослый же парень. Нельзя девке в такие мужские разборки влезать. Вот ведь оказия какая... Неужто опять челюсть вправлять придется?

– Арбалет у тебя интересный. Дашь посмотреть?

Регнум рук к оружию не тянул, смотрел с усмешкой, но не злой, а такой... снисходительной, что ли. Так право имеет – они у оборотней в гостях. Сами в «Серую гавань» вплыли.

Ну, это Акита считала, что есть у оборотней право, а Кер едва сдерживался, чтобы в драку не полезть. И девушка решилась, подошла, обняла эльфа со спины, потерлась об его плечо щекой. Внутри все от стыда горело – сама на людях парня тискаю, вот уж позор какой... А что делать-то, если парень стоит столбом, рожа смурная, того гляди мечом размахивать кинется.

– Может, мы его за столик пригласим к нам сесть? А ты ему арбалет из своих рук покажешь? – прошептала тихонечко вроде, но тут же все ушастые, даже те, у кого уши не так торчат, как у Кера.

– Да ладно, я только гляну! – Регнум усмехнулся, поглядывая на странную парочку. Все же человечка и эльф вместе редко по харчевням гуляют. – Ну хочешь, к вам сяду? Сам до своего оружия жадный, понимаю.

Глава 12

Керан, когда Акита на нем со спины повисла, напрягся. Но потом своим чутким слухом уловил, как отчаянно стучит у девушки сердечко. И дрожь в голосе тоже заметил.

Правда, не понял, что она за него боится, а решил, что от оборотней прячется. За него прячется. И мирно все решить предлагает из страха перед людозверями. Но тут Кер не ошибся – Акита драки не хотела именно потому, что понимала: не осилит эльф такую толпу, как бы хорошо он мечом ни владел. Только каким-то седьмым чувством чужа, что ее эти плечистые высокие лохматые мужчины не обидят, а вот Кера – могут.

Поэтому и прижалась к его плечу, так чтобы не мог меч вытащить и глупостей натворить. И тянула аккуратно к нужному столику, шажочек за шажочком, пока не уселись на лавку.

Тут же напротив плюхнулся Регнум, посмотрел вроде с любопытством и смешинкой в глазах, но настороженно. Не нравился ему чем-то арбалет этот, прицепился он к нему, настырный!

Но Керан уже выделяться не стал, раз вроде все мирно да вежливо. Положил оружие на стол. Лишь зорко следил, чтобы оборотень к нему лапы свои не тянул, только смотрел.

– Занятная игрушка. На крупного зверя рассчитана, – хмыкнул мужчина и уставился на эльфа, словно обвиняя его в чем-то.

– На волка, большого, злого. Типа того, что моего друга убил, – Кер вспыхнул, огрызнулся, тут же сам понял, что погорячился, и подскочил, схватив в одну руку арбалет, в другую меч.

– Один, может, и пробился бы, а с девкой не выйдет, – спокойно сказал Регнум, даже не привстав из-за стола. – Нам оставишь?

– Не дождетесь! – эльф, неожиданно даже для себя, выдохнул и снова уселся на свое место.

– То есть не кинешь человечку злым волкам на съедение, пока высшая раса сваливать, сверкая пятками, будет? Ущипните меня, – рассмеялся парень-подавальщик. – Выпивка за счет заведения.

– Погоди с выпивкой, – Регнум хмуро зыркнул на одного парня и перевел обвиняющий взгляд на второго: – Так что за волк убил твоего друга, и какого рожна ты приперся в «Серую гавань» с этой железякой? – и мужчина ткнул пальцем в арбалет.

– За то, что мы сбежать попытались, – сквозь зубы процедил Кер.

Он как в меч вцепился, так и не выпускал, сидел прямой, как палка, напряженный и готовый к драке.

Стрельнуть он успеет только раз, в того, кто слишком много спрашивает. А остальных придется рубить, прикрывая отход Акиты к окну. Выбить стекло она сможет, сил хватит. А дальше... разберется. Не погонятся эти монстры за ней по городским улицам.

– Это что за место такое, которое волки охраняют, а эльфы оттуда бегают?

Кер снова огрызнувшись собрался, просто потому что раздражал его этот оборотень. Вот то, как он нагло, с вызовом, смотрел, прищурясь. То, как разглядывал – вроде миролюбиво, а чувлось почему-то презрение. И смешинки в глазах мужчины злили прям до зубовного скрежета.

Но тут Акита поняла, что с ее эльфом в этой таверне кашу не сварить – нашла коса на камень. Так и будут друг перед другом достоинствами разными меряться.

– На эльфийский лес возле моего города напали ночью оборотни, похитили четырех молодых эльфов, повезли по дороге в ваш лес, который дикий, – буквально на одном дыхании проговорила девушка и, набрав воздуха, продолжила так же быстро, чтобы никто не прервал, а то прямо искры сверкают от напряжения: – Вот Кер с другом и сбежали. А оборотни за ними погнались и друга убили. А оставшихся увезли. Мы сюда приехали, чтобы попытаться выяснить их судьбу.

Регнум еще больше нахмурился, народ в таверне притих, но напряжение искрить не перестало.

– Много оборотней было? Окрас какой? Вожака видел? Самки в стае были?

Акита незаметно вытерла о штаны вспотевшие ладони и кивнула так и стоящему недалеко подавальщику. Тот намек понял и убежал на кухню за едой и выпивкой.

Керан же принялся отвечать на вопросы...

– Серебряных у нас в стае нет. Да и если бы двадцать наших ушли из города дальше, чем на день, я б знал. Так что это чужаки и здесь ты их не найдешь. За два месяца они могли свалить куда угодно вместе с твоими друзьями.

Кер разочарованно вздохнул. Регнум посмотрел на него с сочувствием и зычно рыкнул на всю таверну:

– Про стаю серебряных кто-то что-то слышал?

Зал зашумел, переговариваясь, уточняя, обсуждая...

Подбежавший с подносом подавальщик быстро накрыл на стол, ловко запихнул в карман передника деньги и шепотом, искоса поглядывая на Регнума, уточнил у Кера:

– Там всем самка заправляла, да? Молодая такая?

Керан кивнул:

– Вроде того. Командовал волк, но рядом с ним постоянно вилась волчица.

– Ты про ту наглую бестию, что прошлой зимой здесь крутилась? Точно, серебряная была и альфа. Ты еще на нее запал вроде?

Акита даже от еды отвлеклась, хотя такого вкусного мяса никогда еще не ела. Но подавальщик так покраснел, что даже смуглая кожа не спасла. Щеки прямо вспыхнули. И уши. И даже шея.

– И где эта вертихвостка теперь? – Регнум посмотрел на бедного парня очень суровым взглядом. Пристально, будто хотел увидеть ответ сквозь кости черепа.

– Ушла ж... и стаю свою увела, – глаза парня-подавальщика упрямо сверкнули. – Сам же выгнал! – напомнил он мужчине. – И не строй мне зверскую морду, ты не мой альфа.

– У твоего альфы в стае только ты и еще пять таких же дурных щенков, – фыркнул Регнум. – И живете вы отдельно, потому что мне слабаки-полукровки не нужны.

Акита даже замерла, не веря глазам. Впервые видела, чтобы у человека волосы на затылке вставали дыбом, как... шерсть на загривке волка. И глаза из карих стали желтыми.

– Ты зубы на меня не скаль, щенок. Мал еще, – Регнум как сидел спокойно, так и остался сидеть. – Но хорошую трепку ты заслужил.

И вдруг почти в миг вместо человека на полу оказался огромный черный волк. Два волка... Правда, второй – молодой совсем. Но злющий!.. Как пчела, когда у нее мед воруют.

Зато стало ясно, почему тут столы так странно стоят – не в три ряда, как во всех тавернах, а полукругом, вдоль стен. А в центре – пусто. Сейчас там дрались два зверя. Шерсть летела в разные стороны, зубы клацали, когти царапали по полу, вскоре первая кровь брызнула.

Бросок, клубок по полу, мелкого за загривок и валять... вырвался... рывок, удар передними лапами, мелкий на спине... вывернулся, рычит... бросок... и снова на спине, только теперь не вырваться – зубы старшего волка на глотке. Трепка удалась.

– Что здесь происходит? – откуда-то сверху по лестнице вниз спустился седой старик. Регнум, обернувшись человеком, с наглым уверенным видом плюхнулся на свое место. Не к Керу с Акитой за столик, а туда, где раньше сидел. А вот парень-подавальщик выглядел виноватым и на старика старался не смотреть.

– Опять за свое?.. – буркнул тот с укором. – Кровь дурная покоя не дает?

– Это вам всем моя кровь покоя не дает! – неожиданно озлился парень, сорвал с себя передник, который даже не помялся за время перевоплощений туда и обратно. Швырнул его на пол и выскочил из таверны.

– А ты что к мальчишке опять прицепился? – теперь и Регнуму досталось. Но тут старик увидел Керана и Акиту: – И что тут делает ушастый?!

Кер снова схватился за меч, а Акита, вспомнив шутку парня-подавальщика, выдала:

– А у вас тоже уши, да еще и лохматые! И хвост есть!..

– Ишь ты, храбрая какая! – рассмеялся седой оборотень. – Так каким ветром в «Серую гавань» занесло человечку и эльфа?

– Друзей мы моих ищем, – со стариком беседу вести решил Керан. – В начале лета нас стая серебряных волков похитила, мы с одним другом попытались сбежать, но удалось только мне. А два других в стае остались. Хочу их найти или узнать, что с ними стало.

– Серебряные, говоришь?.. – дед переглянулся с Регнумом: – Ты с Шазимом из-за той бабы сцепился? – уточнил он и, получив кивок в ответ, снова посмотрел на Кера: – А что ж неспешно так с духом собирался? За два месяца след остыл...

Эльф вспыхнул, а Акита глянула на старика осуждающе. Зачем бить по больному?!

– Не мог он раньше... Как смог, так и пошел!..

– Бойкая какая человечка, – дед вновь развеселился. – Рыжая такая в отца или в мать?

– В мать, – насторожилась девушка.

Так уж сложилось, что откуда мать родом, Акита не знала. Отец привез молодую жену к себе в деревню уже беременную. Он и дядя Гош в той деревне выросли, пока в город не подались. Родни, правда, к тому времени там не осталось, но место отцу нравилось. О детстве напоминало...

– А мать Марикой зовут? – уточнил старик. – Уж больно краса у тебя такая... приметная. Даже ушаст... эльф – и тот запал.

Девушка сразу вспыхнула почище, чем давеча парень-подавальщик, а Керан лишь улыbnулся снисходительно. Глупый оборотень не понимал, что все дело в другом. В том, что это лисичка им восхищается, а ему просто это приятно. Очень. Но старик, конечно, прав – Акита красивая. Яркая... теплая... нежная... мягкая...

Прямо даже в паху заныло, как вспомнил про их ночь в бане.

– Марикой, – пролепетала в это время девушка.

– От же ж!.. А я твою мать от такой шкеткой помню! – рассмеялся седой оборотень. – Такая же бойкая девка была! И капитана своего окрутила, как два пальца... Как отец-то?

– Погиб, – едва слышно прошептала Акита, потому что сердце вдруг защемило.

Вот как-то вроде свыклась, мелкая ж была, не помнила почти... Только усы щекотные, голос громкий и как мама светилась, когда он приезжал. Ну и как кружил ее за руки и подкидывал высоко-высоко... до солнца!..

– Это плохо. Хороший мужик был. Дык чего вы потом к нам не вернулись?

Акита лишь плечами пожала. Не хотелось старику говорить, что мама теперь не такая уж и боевая.

– Хозяйство у нас там, – нашлась она наконец, что ответить.

– Хозяйство и сюда перенести можно, – хмыкнул дед, но больше ничего говорить не стал.

Пересел к Регнуму и принялся с тем что-то обсуждать.

И вдруг в таверну влетел напуганный мальчишка лет десяти-двенадцати, не больше. Огляделся и кинулся к старику:

– Шазим перекинулся и в лес побежал. А в город облава пришла, говорят, оборотни недавно в их деревне людей задрали. Будет бойня...

– Всем сидеть здесь! Забаррикадироваться, людей не пускать. Ты, ты и ты – к самкам, – Регнум вроде бы оставался таким же спокойным и самоуверенным, но голос изменился. Из снисходительно-насмешливого стал громким, резким, четким.

Акита сразу вспомнила дядю Гоша – тот тоже так меняется. С ней он добрый дядюшка. Но случись что – сразу видно: перед тобой капитан, привыкший отдавать приказы и отвечать за свои решения.

Глава 13

Пока Кер пытался понять, как действовать дальше, Акита выползла из-за стола, заставив и парня тоже встать – он же перед ней сидел, прижимая ее к стене и загораживая путь к двери.

– Кто у вас тут главный в городе, кого жители слушают? – девушка не стала отвлекать Регнума, дернула первого попавшегося под руку оборотня. Выслушала, кивнула, потащила за собой эльфа, так и не осознавшего, куда и зачем... Но и не сопротивляющегося – уж больно уверенно действовала Акита. Чувствовалось – понимает, что делает.

До выхода из таверны добрались под осуждающими взглядами. Керану каждый такой – как нож в сердце. Прямо вот слышал мысли тех, кто смотрел. Про трусов, которые сбегают, едва почуяли опасность.

– Выпустите человечку с ушастым, им не место среди хвостатых, – пошутил кто-то.

Кера прямо подмывало обернуться, ответить, остаться... только зачем? Чтобы погибнуть, защищая оборотней от людей? Тогда почему же такое чувство, что он опять трусливо сбегаем?.. Опять!..

– Мы сейчас найдем главного и все ему объясним, – шепотом пояснила Акита. – Надо торопиться!

Когда девушка рассказала свою задумку, Керан сразу перестал обращать внимание на взгляды. Он не трус, а наоборот, спасти этих громадин лохматых спешит. Странно, конечно, ввязываться в разборки между неэльфами. Но если подумать, его цель совпадает с людской – найти стаю серебряных оборотней. Так что Акита здорово все придумала.

К городской управе они мчались так, словно за ними кто-то гнался. Там была толпа людей, кричащая и взывающая к справедливости.

Девушка, не слезая с Каурога, пробилась к дверям и потребовала Тау Кетонена. Появившийся после очередного громкого выкрика Акиты бородатый, плечистый, но низкорослый мужик почти минуту разглядывал ее, потом хмуро спросил:

– Чего шумишь, девка?! Спать иди!

– Я Акита Лайне, а это эльф Керанан из нашего леса. Он разведчик, от людей и эльфов. Ему поручено выследить серебряных оборотней, напавших на эльфийскую деревню.

Сроки девушка специально называть не стала. Чтобы вопросов лишних не было. Зато говорила громко, перекрывая шум толпы. Да и затихли все под конец, прислушиваться стали.

– Мы уже были в «Серой гавани», опросили местных оборотней и знаем, что это чужая стая, которая кружит здесь уже с зимы. Они опасны...

– Все оборотни опасны! – выкрикнул какой-то скудоумный.

Но Акиту с мысли сбить было не так просто. Ей надо было направить толпу против настоящего врага. Общего. Поэтому она на выкрик даже поворачиваться не стала, оглядела людей и спокойно сказала:

– Мы все опасны. Каждый по-своему. Это не повод устраивать побоище невинных только потому, что кому-то в полнолуние волчий вой спать мешает. Оборотни в этом городе чтут законы, – на самом деле девушка не была в этом уверена, но сказала так, словно точно знала, что правду говорит. – И живут с вами бок о бок многие годы, – этого она тоже знать наверняка не могла, но раз старый оборотень знал маму еще девчонкой, значит, лет двадцать волки тут уже прожили. А может, и больше. – Мсть – дело хорошее, когда мстят настоящим виновникам, а не тем, кто попался под руку. Раз на деревню напали серебряные оборотни, надо не нападать на своих соседей, а попросить их помочь выследить чужую стаю! – тут Акита вспомнила, как заканчивал дядя Гош свои речи, и тоже выкрикнула, прямо в толпу: – Объединимся против общего врага и навалием гадам!

Призыв «наваливать гадам» сработал, но только как найти настоящих гадов, никто не знал. И разгоревшийся запал грозил вновь обернуться против тех, кто первым подвернется под руку.

Акита, склонившись с коня, прошептала на ухо Тау, что народ надо бы вести к лесу, но медленно. А она озаботится поисками тех, кто след взять сможет. Благо и искать долго не потребуется.

Мужик недовольно похмыкал в бороду, но кивнул и рукой махнул:

– Леший с тобой, веди... Люди пока притихли. А без оборотней не найдем никого.

Сообразил сразу, за кем Акита поскакала прочь, погоняя Каурога. Девушке даже объяснить ничего никому не пришлось.

Керан пристроился рядом, но ехал молча, обдумывал увиденное.

Смотреть, как лисичка командует людьми и те ее слушают, было забавно. Но еще и немного странно. У эльфов считалось, что человечки – тихие, послушные. А тут и в толпе женские лица мелькали, выкрикивали что-то. А уж ему вообще особенная досталась. Или и правда такая храбрая, или уверена, что Кер ее отобьет от людей, случись что... А может, все сразу?

Скрестись в дверь «Серой гавани» пришлось долго, а ведь каждая секунда на счету, тьма сгущается, люди того гляди обратно вернуться!..

Наконец Регнум соизволил вопрос задать в небольшую щелочку:

– Какого рожна обратно приперлись?!

– Помощь людям нужна, серебряных отловить, – протараторила Акита, отпрыгнув поближе к Керу.

А эльф на всякий случай арбалет свой заряженный прямо на дверь направил. Вдруг выскочит кто? Сразу и отлетит назад со стрелой в груди, а остальных мечом порубать можно, пока лисичка до коней добежит.

Не доверял Керан оборотням, но понимал – только эти, черные, смогут помочь ему найти других, серебряных, убивших Дибрима. И только серебряные знают, что случилось с Фониной и Ольгаром.

– Пусть ушастый оружие уберет, а то, неровен час, рука дернется, а мне потом дверь чинить, – раздался из таверны голос старика.

Кер губы покривил, ушами поводитил, но арбалет опустил. Убирать не стал, не та обстановка вокруг. Единственное, о чем эльф жалел – надо было два арбалета брать и научить девочку перезаряжать их.

Два жоака, молодой и старый, вышли на улицу, и дверь за ними тут же захлопнулась и закрылась на кучу замков.

– Вязываться в бой на стороне людей мы не станем, – пояснил Регнум. – Посмотрим, послушаем. Может, чужаки не хотели нас подставить, всяко бывает. Нам их альфа нужна, хотим правду из нее выбить. По недомыслию она на деревню напала или нарочно, чтобы на нас обозлились.

– Вы только эти условия людям не говорите, – посоветовала Акита, запрыгивая на Каурого.

– Не первый раз с людьми разговаривать буду, разберусь, – фыркнул оборотень, обращаясь в огромного черного волка. Старик тоже обернулся в черного с очень заметной седой морде. Седых волос везде хватало, но морде досталось больше всего.

Толпу людей с факелами, шумно топающую по лесу, нашли быстро. Регнум при виде них даже в волчьем облике умудрился рассмеяться. Только по тропинке валяться не стал и лапами дрыгать.

Аките даже стыдно стало за людскую глупость. Ну кто так на оборотней охотится?!

Правда, приглядевшись, девушка заметила, что Тау Кетонен с небольшой группой вооруженных мужчин идет особняком, постоянно оглядываясь. Их ждут, похоже.

И точно – приотстали, остановились, подождали.

– Остальные пусть по лесу ходят, – пояснил городничий свою задумку. – Я у них парочку ребят умных за главных оставил. Они потом толпу еще раз поделят – баб и мужиков шепутных в одну сторону поведут, а тех, кто с вилами и топорами – постараются кругом выстроить вокруг логова. Только помогите нам его найти.

Регнум фыркнул, только уже одобрительно. И помчался в сторону. Седой – за ним. Значит, взяли уже след, раз так уверенно побежали.

Керан дернулся за ними, потом сообразил, что красться верхом не получится – спугнут.

– Отведи коней к таверне, – попросил он Акиту ласково, даже улыбнулся. – А я пойду... – и спрыгнул на землю.

– Я с тобой! – напряглась девушка и тоже с Каурого слезла. Глазами сверкнула возмущенно. Но потом от стыда вспыхнула, одумалась.

Толку-то от ее присутствия не будет, только мешаться мужчинам станет да отвлекать их. Но отпускать Кера одного на бой страшно, хоть плачь и на шею кидайся, как дурочка...

Эльф подождал, пока его лисичка успокоится, прижал к себе, поцеловал крепко-крепко, словно в последний раз... Да, на самом деле, кто знает, как оно там все пойдет? Может, и в последний.

– Скачи давай и спрячься! Жди, пока не вернусь!..

И Акита послушно помчалась на Кауром обратно в город, держа за поводья Фина. В «Серую гавань» ее запустили, слова не сказав. Даже еду какой-то мальчишка на стол поставил. Только девушке кусок в горло не лез... Так и сидела, кончик косы на палец наматывала и переживала. То за Кера, то за то, что ж она Нинору скажет, если вдруг...

А потом и переживать сил не осталось, только глаза Керана вспоминались, вкус его губ, тепло его рук и голос. Вот все бы отдала, только бы обратно вернулся!

* * *

Кер, подождя, пока девушка скроется из виду, побежал вслед за оборотнями и группой вооруженных людей. Они попетляли по лесу почти с четверть часа, но вдруг Регнум остановился, обернулся человеком и произнес:

– Они близко – я их чувю. Хотите захватить – окружайте. Потопаете всей толпой – никого не найдете.

Мужчины принялись тихо перешептываться, обсуждать, как действовать дальше. Об оборотнях они словно забыли, к тому же те вроде бы пошли обратно. Туда, откуда только что пришли.

Только эльфийское зрение более острое, а эльфийский слух более чуткий, чем человеческие. И Керан помнил слова Регнума об альфе чужаков, которую надо захватить.

Поэтому он внимательно следил за уходящими оборотнями и заметил, как те свернули в сторону.

Эльфы умеют ходить очень бесшумно. Почти неслышно. Нет, вплотную подкрасться к людозверю ни у кого не получится, но Кер и не хотел остаться совсем уж незаметным.

– Какого рожна ты за нами крадешься, ушастый?! – напрямую этот вопрос Регнум задавать не стал, так как был в облике волка, но весь его вид просто излучал возмущенное недоумение.

Керану на недоумения оборотня было положить шишек воз и маленькую тележку. Так что дальше они покрались втроем...

Стая серебряных оборотней выглядела издали совсем не опасной. Лежат себе спокойно пятнадцать-двадцать волков...

Хотя не так уж и спокойно они лежат – заметно, что принохиваются, прислушиваются. И самое странное – волчица среди них только одна. Значит, настоящее логово у них не здесь, в другом месте. А сюда они с какой-то целью пришли и, судя по тому, что на людей в деревне напали, цель эта не совсем хорошая.

Вот волчица первой и определила, что опасность вокруг. Подскочила, рыкнула, огляделась и помчалась прямо на Керана. Заметила эльфа, ощерилась злобно, зарычала... и прыгнула!..

Кер, увидев, как на него летит самый страшный его кошмар последних нескольких месяцев, застыл лишь на доли секунды. А потом выхватил арбалет и выстрелил!..

Только попал не в волчицу, а в черного молодого волка, прыгнувшего твари наперерез. И стрела с тяжелым острым наконечником, в котором верхний слой стальной краски скрывал от глаз настоящее серебро, убийственное для оборотней, вошла ему прямо в бок. Волчок даже заскулил от боли, и из пасти у него полилась тонкая красная струйка.

А из раны кровь не текла. Серебро растворялось внутри тела, убивая глупого молодого самца, пожертвовавшего собой ради альфы чужой стаи.

Старый волк подбежал к мальчишке, тоскливо завыл, затем зарычал на Керана.

Но тут на них налетело несколько волков. Стая разбегалась врассыпную, в разные стороны. Только ее плотно окружали люди с топорами, кольями и вилами в руках. Настоящее оружие мало у кого было. Да и самих людей не так уж и много оказалось...

И Керан, разрубивший мечом напавшего на него волка, потом, в пылу азарта, пришел на помощь сначала одному человеку, потом второму... затем третьему...

Он рубил головы. Втыкал меч в живот, если оборотень прыгал на него с оскаленной пастью. Втыкал меч в спину, подбегая сзади...

Эльф дрался отчаянно, уже забыв о своем старом кошмаре, потому что теперь у него был новый – он убил ни в чем не повинного парня. Пусть и не нарочно, пусть глупый людозверь сам ринулся под стрелу... все равно!

Оборотни закончились как-то слишком быстро. Кер только разошелся, только вошел в состояние, когда в голове стало совершенно легко и пусто. Когда только руки и инстинкты и больше ничего. И вот... Ни одного живого оборотня!

То есть трое осталось – умирающий молодой волк, понуро сидящий рядом с ним старый и еще один, злощий. Регнум.

Глядя на недовольную морду последнего, сразу становилось ясно – не догнал он самку-альфу и не желал смириться со случившимся.

– Надо добить! – Тау Кетонен подошел к Керану и кивнул на волчонка, до сих пор не обернувшегося в человека. Старый волк зарычал, оскалился и потом завыл... И у Кера внутри что-то сжалось. Он понял, что не сможет, хотя Регнум, судя по выражению его морды, был согласен с предложением бородатого городничего.

Но Керан помотал головой, и люди, которым он помог отомстить, молча сделали по-быстрому из подвернувшегося под руку носилки, аккуратно закинули на них надсадно дышащего волка, захлебывающегося кровью. И понесли в город...

Глава 14

Акита уже извелась вся, даже сидеть на месте за столом было тяжело. Бегать кругами не позволяло воспитание и остатки выдержки. Так что девушка просто переходила от окна к окну, тербила занавеси и волновалась. Никогда еще в своей жизни она так не волновалась!..

Даже за маму, наверное. Даже за Соля... Внутри все ныло от страха, и никакой рассудительности не хватало, как себя ни уговаривай.

И тут на улице засверкали факелы и к таверне подошли люди с носилками... И Акита, испуганно вскрикнув, помчалась к дверям. Распахнула, выбежала, увидела умирающего черного волка, охнула... А сама взглядом искала в толпе только одного... только его...

Нашла и кинулась стремглав, повисла на шее, целуя в глаза, щеки, губы... прижалась к груди, затихла устало и облегченно. Живой! Пусть весть в крови, пусть... не его же! Не его? Испуганно оглядела, убедилась, что целый, не раненный. Пусть покусанный кое-где, одежда порвана и испачкана, царапины вон от когтей... Мелочи какие! Главное – живой!

И тут девушка вспомнила про умирающего волка. Вздрогнула. Снова крепко прижалась к Керу...

Еще секундочку так постоять бы... и можно идти внутрь. Думать, как спасти, если еще можно. Вообще о чем-то думать. Вот еще чуточку послушать, как стучит его сердце...

– Представляешь, прямо под мою стрелу кинулся, – растерянно прошептал Керан, обнимая девушку.

Больше всего он сейчас боялся, что его лисичка от него отвернется.

Эльфы не любят убивать, даже «неэльфов». Презирают, осуждают, сторонятся, чтобы не испачкаться, изгоняют...

Это самое страшное наказание – изгнание. Игнорирование. Исключение из памяти живущих. Почти как смерть, но только нет лишней грязи и суеты. Просто отвернулись и сделали вид, что тебя нет. Вот как выглядит смерть по-эльфийски. И Керан для своих умер.

Конечно, он старался об этом не думать, но все равно где-то глубоко-глубоко в подсознании понимал – обратной дороги для него нет. Он выбрал свой путь, и на этом пути ему встретилась Акита. Если бы не она... Пока у него была цель – спасти друзей, а о том, как жить потом, размышлять тоже надо потом. Но если лисичка от него отвернется...

Для Кера рыжая девушка оказалась канатом, в который он вцепился, чтобы не упасть в пропасть. И эльф, пусть не совсем осознанно, держался за этот канат руками, ногами и даже зубами. Падать страшно... А рядом с Аkitой – спокойно, тепло, уютно.

Но принятие человечки как условно-равной подразумевало и то, что ей нельзя было врать. Своим не врут.

– Я в альфу целился, а он прыгнул и закрыл ее собой. И выходит, что я его убил, – признался Кер, продолжая крепко прижимать к себе девушку.

– Глупости, – прошептала в ответ Акита. – Это его выбор был. У каждого есть выбор. Ты сделал свой, он свой, – оторвавшись от груди эльфа, обняла за шею. Пускай все смотрят – сейчас можно.

Извелась вся, пока дождалась.

Кер сам склонился и поцеловал. А потом они так вместе, держась за руки, пошли в таверну. Люди-то туда заходить не стали – носилки оставили и ушли. Для них все закончилось, месть свершилась, оборотней злых наказали. А вот в «Серой гавани» над телом волчонка ругались двое вожаков.

– Сдохнет в муках, – чуть ли не рычал Регнум на старика. – Он и так до сих пор жив лишь потому, что полукровка.

– Я послал за его матерью, ей решать! – огрызнулся седой вожак. – Она имеет право с сыном попроситься.

Тут Регнуму возразить стало нечего, и он уселся за стол, схватил бутылку с чем-то алкогольным и хлебнул из горла сразу половину.

А до Керана только сейчас вдруг дошло, что стаю они всю перебили, альфа сбежала, и выяснить, что с его друзьями, стало не у кого. Единственный, кто мог хоть что-то знать, умирал в центре зала от стрелы. Его, Кера, стрелы...

Акита присела рядом с волчонком, зачем-то погладила густую черную шерсть. А потом, сжав зубы, дернула на себя стрелу. Оборотни понимали, что это может убить и так едва живого парня.

Тут в таверну вбежала уже довольно пожилая женщина. Она упала на колени, сдернула с головы платок и зарыдала, запричитала... Лапы волка слабо дернулись, как будто бы отталкивая ее от себя. Даже полуприкрытые веки вроде бы моргнули.

Да, Акита мало что понимала в целительстве. Но ей почему-то вдруг подумалось... ну вот чистокровный оборотень умер бы уже давно, а мальчишка – полукровка, вот и борется. Значит, если сделать ему переливание крови, заменить кровь оборотня на человеческую, то, может, и выживет?

Девушка нашла взглядом Регнума, как самого вменяемого в этой таверне, под села к нему за столик и поделилась своими мыслями. Тот покрутил пустую бутылку по столу, хмыкнул.

– Шазим нас предал. Если старик оставит его у себя, то им всем придется уйти – я не потерплю предателя рядом со своей стаей. Тот, кто предал раз, предаст и второй.

– А может, учтет ошибки и никогда больше так не сделает, – возразила Акита, поглядывая в центр зала. Из рта волка снова вытекла струйка крови. Надо было торопиться.

– Если он выживет, значит, уйдет. Но его смерть заберет с собой и его, – девушка мотнула головой на старика, мрачно лежащего в облике волка на полу рядом с умирающим. – И ее, – она кивнула на подвывающую женщину. – Может, не ради него, но ради кого-то из них...

– Ладно...

Регнум встал из-за стола, резко отодвинув его от себя. Прошелся по таверне, подсел за столик к троице людозверям, переговорил с ними, потом подозвал взмахом руки Акиту:

– Рассказывай!

Девушка еще раз объяснила, что надо сделать. Один из мужчин согласно кивнул:

– Может помочь. Только откуда кровь возьмем? Мать Шази лапы отбросит сразу... Ушастый своей кровью поделится?

Акита лишь пожал плечами и помотала головой. Она придумала, ей и отвечать. Незачем на Кера перекладывать, он и так устал. Вон сидит, голову рукой подпирает. Заснул бы уже давно, но следит внимательно взглядом за происходящим. Чтобы случись что – прийти на помощь... Вот и пусть следит.

В центр зала перенесли один из столов, на него уложили Акиту...

Керан, резко проснувшийся, протолкался и встал рядом. Говорить ничего не стал, хотя и хотелось отругать, запретить, сбежать прочь вместе с лисичкой... Но еще одно важное правило эльфийской общины – каждый должен творить свои ошибки. Или останови, или помоги, или не вмешивайся.

Кер считал, что останавливать он не вправе. Попросить – да. Только странно просить остановиться, когда девушка все решила уже, с ним не посоветовавшись. Обижаться – не время.

Вон лежит, взгляд испуганный, в него вцепилась, пальцы сжала. Лишь губы упрямо поджаты – не откажется. Не передумает.

Только вздрогнула, когда острая игла проткнула вену... и глаза закрыла. Но лекарь из людозверей, закончив возиться с телом волка на полу, попросил:

– Глаза открой, я должен видеть, когда надо остановиться. Ты же человек, а я людей никогда не лечил.

Под ноги Керану уже несколько минут текла кровь оборотня, плохая, пропитанная серебром. Много крови. А потом по тонкой трубочке потекла кровь из Акиты... тоже много крови. Очень много. По крайней мере, Керу казалось, что кровь все течет и течет, он даже порывался выдернуть иглу. Но лисичка лежала на столе, смотрела на него, сжимала его пальцы и даже пыталась улыбаться.

– Зачем? Зачем ты его спасаешь?! – не выдержал, спросил. Ведь не друг, даже не знакомый. Просто чужой глупый людозверь.

– Ради тебя и потому что могу, – прошептала Акита. А потом закрыла глаза... и лекарь сразу же выдернул иглу у нее из руки.

А потом Керан сидел на столе, поддерживал лисичку под голову и поил ее каким-то отваром, укрепляющим. И клятвенно обещал сам перебинтовать себе ноги, обязательно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.